

Томас Майн Рид Гвен Винн. Роман реки Уай

Текст предоставлен переводчиком
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160210

Аннотация

На берегах реки Уай, что в Уэльсе, иногда кипят страсти не менее жаркие, чем на Диком Западе или в пустынях Мексики. И когда, однажды утром молодые мисс Гвендолин Винн и Элеанора Лиз решили вдвоем прокатиться на лодке, они и предположить не могли, какие им предстоят приключения... Но благородство и любовь сумеют преодолеть все преграды и никакие интриги не смогут им помешать!

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	33
Глава девятая	36
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая	43
Глава двенадцатая	46
Глава тринадцатая	51
Глава четырнадцатая	55
Глава пятнадцатая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Майн Рид Гвен Винн Роман реки Уай

Пролог

Привет тебе, Уай, знаменитая река Силурия (Река Уай, в Уэльсе, в бассейне Северна, длиной около двухсот километров. Во времена завоевания Британии римлянами, в середине первого века н.э., называлась Силурия, по племени силуров, жившему на ее берегах. – Прим. перев.)! Заслуженная слава, достойная приветствия! Ты начинаешься от источника на далеком склоне Плинлиммона и устремляешься вперед, как веселая девочка со скакалкой, через рваные скалы Брекон и Раднар, которые, как грубые мужчины, стремятся удержать тебя, чтобы сорвать с твоих уст поцелуй; как взрослая женщина, с устойчивым ровным шагом, течешь ты среди лесистых холмов Херефордшира, которые с большим уважением обращаются с тобой; но ты течешь дальше и снова встречаешь препятствие – тебе угрожают отроги Монмута; но ты преодолеваешь и их и, несмотря ни на что, сохраняешь свою чистоту! И если загрязняешься перед тем, как соединиться с океаном, то вина не твоя, а твоей сестры Сабрины, тоже рождающейся на груди Плинлиммона, но с детских дней разлученной с тобой, текущей по другим просторам и потому ведущей менее достойную жизнь. Нет твоей вины, прекрасная Вага, от истока до Северна чистая, как породивший тебя родник, радость для глаза и занятие для ума. Не ширина твоя и не изгибы русла привлекают интерес, но аромат романтики и богатство истории. На твоих берегах за долгие столетия развертывалось множество сцен, полных величайшей радости и самой напряженной борьбы; множество замечательных эпизодов, полных любви и ненависти, алчности и тщеславия – короче, здесь проявились все человеческие чувства. Полные радости, смотрели римские легионеры, как отражаются их серебряные орлы в твоих прозрачных водах; но им не удалось утвердить своих орлов на твоём западном берегу без долгой и напряженной борьбы с доблестным, но злосчастным Карактакусом (Вождь силуров, сопротивлявшийся вторжению римлян. – Прим. перев.). Долго пришлось сражаться саксам, прежде чем они утвердились на территории силуров – чему свидетельство вал Оффы (Древний земляной вал в Уэльсе; проходит от устья реки Ди до устья река Уай; предположительно сооружен в восьмом веке королем Мерсии Оффой. – Прим. перев.). Позже норманам удалось завладеть этой территорией только после предательского убийства князя Ллевелина (Ллевелин Второй, князь северного Уэльса; неоднократно восставал против владычества норманов и был убит в 1282 году. – Прим. перев.); и еще позже доблестный Глендоувер (Уэльский повстанец, сопротивлявшийся владычеству английского короля Генриха Четвертого; 14 век. – Прим. перев.) развернул на твоих берегах патриотическую войну; и наконец видела ты еще более благородные сражения, когда солдаты парламента столкнулись с так называемыми кавалерами (Кавалерами называли роялистов, сражавшихся во время английской буржуазной революции на стороне короля Карла Первого. – Прим. перев.) и прогнали их с твоих берегов, сделали эти берега такими же чистыми, как твои воды.

Но, сладостный Уай, не все сцены, свидетелями которых ты стал, были сценами войны. И любовь оставила тебе много нежных напоминаний, много рассказов о страсти. Разве не на твоих берегах увидел свет прекрасный Гарри Монмутский, герой Азенкура (В битве при Азенкуре, в 1415 году, во время Столетней войны, английские войска разгромили французскую армию. – Прим. перев.); здесь провел он детство, пока не явился, «вооруженный с

головы до ног, с поднятым забралом»? И не в твоих ясных водах омывала ноги прекрасная Розамунда в свои школьные годы, когда сама еще оставалась чистой (Розамунда Прекрасная, любовница английского короля Генриха Второго, героиня многих легенд. – Прим. перев.)? В тебе отражалась фигура Оуэна Тюдора, на которого упал взгляд королевы Екатерины; они породили династию королей Англии (В 15 веке потомок древнего уэльского рода Оуэн Тюдор стал мужем французской королевы Екатерины; их потомки были королями из династии Тюдоров. – Прим. перев.); и на твоих берегах прекрасная Эдгита из племени саксов отдала руку и сердце уэльскому принцу.

Не все такие эпизоды остались в прошлом; некоторые происходят и сейчас; как всегда, страстные и патетические. Потому что и сегодня на твоих берегах женщины прекрасны, а мужчины доблестны, как в те времена, когда Адельгиза возбуждала ревность в сердце жрицы друидов, а девушка из Клиффордского замка пленяла сердце короля, чтобы стать жертвой мести королевы.

Но они не прекрасней героини моей повести; она родилась здесь, здесь выросла и здесь...

Ах, пора начинать рассказ.

Глава первая Героиня

Турист, спускающийся в лодке по реке Уай от города Херефорда до развалин аббатства Тинтерн, может заметить на берегу сооружение, напоминающее пагоду; его крыша и часть поддерживающих крышу колонн видны сквозь заросли вечнозеленых растений. Это просто летний домик типа павильона на краю распланированной и расчищенной территории поместья джентльмена. Хотя павильон сознательно размещен на возвышении, путник может увидеть его только с реки, с ее верхнего течения. Оказавшись напротив сооружения, он теряет его из виду: рощица высоких тополей совершенно скрывает берег. Тополя растут на продолговатом острове, который тянется на несколько сотен ярдов вниз по течению, образуя побочное, почти заброшенное русло. В своих долгих странствиях Уай не капризен; тем не менее за долгие века он не раз менял свое русло, образуя островки с обеих сторон. Это один из таких островов.

Турист вряд ли войдет в заброшенное русло. Путеводитель нацеливает его на Тинтерн (Живописные руины аббатства Тинтерн в графстве Монмутшир, относящиеся к 12-14 векам, и сегодня привлекают множество туристов. – Прим. перев.), может быть, на Чепстоу (Старинный город на берегу реки Уай, со множеством исторических реликвий. – Прим. перев.), и меньшие достопримечательности его не привлекут. К тому же наемный лодочник не отклонится от намеченного маршрута без дополнительной платы.

Если наш путник располагает временем и расположен к исследованиям, он войдет в этот необычный проток и обнаружит, что его ждет извилистый путь, почти со стоячей водой, за исключением паводков; с одной стороны островок, низкий, плоский и болотистый; с другой – крутой утес высотой в сорок футов, с мрачным серым фасадом, от которого мороз отколол куски – куски древнего красного херефордширского песчаника. У входа в этот проток путник снова мельком увидит павильон наверху; продолжая путь, он заметит верхушки лавров и других экзотических растений, смешивающих свою гладкую листву с местными падубом, плющом и папоротником; папоротник свешивается через край утеса, покрывая его зеленым пологом, словно стараясь скрыть его хмурые морщины.

На полпути по старому руслу путник увидит небольшой залив в высоком берегу, частично природный, но частично вырубленный в утесе, о чем свидетельствует пролет лестницы, ведущей наверх; ступени лестницы тоже вырублены в камне.

Образованная таким способом бухточка способна вместить гребную лодку; и если лодка не на реке, она окажется в заливе, привязанная за носовой фалинь и тем самым прикрепленная к кольцу в красном песчанике. Это легкая двухвесельная шлюпка, прогулочная лодка, искусно разукрашенная, с мягкими сидениями, с разноцветными штуртросами на корме; если наш турист обернется, то прочтет на корме золотыми буквами название лодки – «Гвендолин».

Очарованный этой идиллической картиной, путник может оставить свою лодку и подняться наверх по лестнице. Если он это сделает, перед его глазами откроется газон размером с парк, усеянный группами деревьев, тут и там растут в одиночестве могучие старые деревья: дубы, вязы или каштаны; В конце этого газона вечнозеленые заросли с гравийными дорожками обрамляют красивый дом; выражаясь словами агента по недвижимости, благородное поместье. Это Ллангоррен Корт, и здесь живет владелица прогулочной лодки, а в перспективе обладательница всего дома с двумя тысячами акров окрестной земли.

Лодка называется в ее честь – Гвендолин, сокращенно – Гвен; обычно ее называют Гвен Винн; леди с необычными привычками и склонностями, она стала достопримечатель-

ностью округи. Она не только любит кататься в лодке по реке, но и охотится, ездит верхом, возглавляет церковный хор, играет на церковном органе, заботится о бедняках в приходе – почти весь приход принадлежит ей, вернее, будет принадлежать, и у нее для всякого найдется улыбка и приветливое слово.

Если она вне дома, на лужайке, турист, будучи джентльменом, уйдет: земли Ллангоррен Корта – частная собственность, и появление чужака может рассматриваться как вторжение. Тем не менее спускаться по ступенькам к лодочному причалу он будет неохотно и со вздохом сожаления, что хорошие манеры не позволяют ему просто познакомиться с Гвен Винн без потери времени и церемоний представления.

Но у моих читателей подобного препятствия нет; и я представляю им ее, когда она прогуливается по газону прекрасным апрельским утром.

Она не одна: рядом с ней еще одна леди, по имени Элеанор Лиз. Они ровесницы – обеим чуть за двадцать, – но в остальном совершенно не похожи друг на друга, даже представляют собой контраст, хотя на самом деле они отдаленные родственницы. Гвендолин Винн высока, с развитой фигурой; лицо у нее белое и сверкающее, с сине-серыми глазами, а волосы хромово-золотистого цвета, который, как говорят, так свойствен уроженцам Уэльса. Эти волосы так очаровали римских солдат, что те оплакивали день, когда их отозвали домой для защиты их родного города на семи холмах от готов и вестготов.

Внешне Элеанор Лиз – противоположность всему этому: у нее смуглая кожа, каштановые волосы, черные глаза, а фигура стройная и миниатюрная. Тем не менее она красива; ее можно назвать хорошенькой; а вот к ее родственнице это слово неприменимо: Гвен прекрасна.

Столь же различны они и по характеру: Гвен говорит свободно и смело, немного излишне быстро и, может быть, чуть властно. Элеанор сдержана и робка; обычно, как и подобает в ее положении, она держится незаметно; потому что и в этом между ними различие, даже контраст. Обе сироты; но сиротство их совершенно различно по условиям и обстоятельствам: одна наследница поместья, приносящего ежегодный доход в десять тысяч фунтов, вторая не наследует ничего, кроме старинного родового имени; больше того, у нее нет никаких средств к существованию, кроме тех, что она может извлечь благодаря своему превосходному образованию.

Несмотря на разницу в положении и очень далекое родство – девушки даже не двоюродные сестры, – богатая ведет себя по отношению к бедной так, словно они дочери одного отца. Никто, глядя, как они под руку прогуливаются в кустах и оживленно и дружески разговаривают, не подумает, что миниатюрная смуглая девушка – платная «компаньонка» леди, идущей с ней рядом. Но именно в таком статусе Элеанор живет в Ллангоррен Корте

Только что миновал час завтрака, и девушки вышли в утренних платьях из легкого муслина, подходящих для такого времени и дня. На газоне пасутся два красивых пони; время от времени они посматривают на вола, который грозит им рогами.

Заметив девушек, животные устремляются к ним; пони протягивают шеи, чтобы их почесали; вол также требует ласки. Особенно они обращают внимание на свою хозяйку, мисс Винн.

Но именно в это утро Гвен как будто не настроена задерживаться с ними; она даже не захватила с собой обычное лакомство – кусочки сахара; прикоснувшись своими тонкими пальцами, ласково сказав что-то, она проходит, оставив животных явно разочарованными.

– Куда ты идешь, Гвен? – спрашивает ее спутница, видя что та идет целеустремленно и в явной задумчивости. Руки они теперь отняли: их разъединила встреча с животными.

– В летний домик, – следует ответ. – Хочу взглянуть на реку. Утро яркое, и река должна быть очень красива.

Так оно и есть; девушки видят это, войдя в павильон; из него открывается прекрасный вид на долину, с рекой внизу; река под солнцем блестит, словно из полированного серебра.

Гвен прихватила с собой бинокль и сейчас смотрит в него; само по себе это свидетельствует о какой-то заранее намеченной цели, не известной спутнице. Только после того как Гвен долго держит бинокль у глаз, спутница начинает догадываться, что ее интересует что-то другое и более захватывающее, чем вода Уая или зелень на его берегах.

– Что там? – наивно спрашивает Элеанор. – Что ты видишь?

– Всего лишь лодку, – отвечает Гвен, с виноватым видом опуская бинокль, словно понимая, что ее поймали. – Наверно, какой-нибудь турист направляется в аббатство Гинтерн. Может, лондонский кокни (Пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения. – Прим. перев.).

Молодая леди обманывает. Она знает, что в лодке совсем не турист. Возможно, он из Лондона – этого она не знает, но отличается от кокни, как Гиперион (В античной мифологии – одно из имен бога солнца Гелиоса. – Прим. перев.) от сатира; так во всяком случае она считает. Но свои мысли компаньонке не сообщает; напротив, скрывая их, добавляет:

– Как этим горожанам нравится плавать по нашему Уаю!

– Что тут удивительного? – спрашивает Элен. – Тут так красиво; могу сказать, что здешние виды ни с чем нельзя сравнить; ничего подобного нет во всей Англии.

– Я не удивляюсь, – отвечает мисс Винн на вопрос. – Меня только они немного раздражают. Все равно что осквернение священного ручья. Ведь они оставляют на берегах обрывки газет и остатки своих пикников! Не говоря уже о том, что можно в эти упадочнические дни на реке встретить этих грубиянов, продавцов из города, работников с ферм, углекопов, откатчиков – кого угодно. Я готова сжечь «Гвендолин» и больше никогда не брать в руки весла.

Элен Лиз недоверчиво смеется и отвечает:

– Было бы жалко, – говорит она серьезно-комичным тоном. – К тому же бедняки тоже имеют право на развлечения. У них такое случается не часто.

– Верно, – соглашается Гвен, которая, несмотря на свои слова, не тори и не аристократка. – Ну, я еще окончательно не решилась на поджог и не сожгу «Гвендолин» – во всяком случае пока еще раз на ней не покатаемся.

И за сто фунтов не согласится она поджечь свою лодку; никогда в жизни не была она так далека от этого намерения. Именно сейчас она разглядывает прогулочное суденышко, намереваясь сесть на его скамью минут через двадцать.

– Кстати, – говорит она, как будто эта мысль только что пришла ей в голову, – можем поплавать и сейчас; хоть это и не последний раз.

Хитрое существо! Она думала об этом все утро; вначале смотрела из окна своей спальни, потом из окна комнаты для завтраков; смотрела в бинокль на реку в поисках вполне определенной лодки с удочкой на лосося; ожидала, когда эта лодка проплывет мимо. Один из находящихся в лодке – рыболов-любитель.

– День прекрасный, – продолжает она, – солнце не слишком жаркое, мягкий ветерок, самая подходящая погода для гребли. Река выглядит так заманчиво, она словно зовет нас. Что скажешь, Нелл?

– О! У меня нет возражений.

– Тогда подготовимся. Не задерживайся! Помни, что сейчас апрель и может пойти дождь. Мы не должны упускать ни мгновения из этого солнечного света.

Девушки вышли из летнего павильона, пересекли газон и исчезли в доме.

Лодка рыболова по-прежнему движется мимо поместья, и на нее устремлен взгляд из верхнего окна дома; это смотрит мисс Винн из своей гардеробной, где она одевается для прогулки.

Лодка видна ей лишь на короткие мгновения над вершинами деревьев островка или в просветах редяющей листвы. Но этого, однако, достаточно, чтобы убедиться, что в лодке два человека, оба не кокни. Одного, за веслами, девушка принимает за профессионального лодочника. Второй, сидящий на корме, ей совершенно незнаком, кроме внешности: он уже дважды видела его на реке. Девушка не знает, откуда он приехал и где живет; однако полагает, что это не местный житель и скорее всего остановился в гостинице. Если бы он жил в доме кого-нибудь из соседей-дворян, она обязательно о нем слышала бы. Она даже не знает, как его зовут, хотя очень хочет узнать. Но Гвен слишком застенчива, чтобы расспрашивать, тем более выдать свою заинтересованность. А она испытывает эту заинтересованность с того момента, как увидела это необычно красивое лицо.

Лодка снова исчезает за листвой, а девушка начинает торопливо переодеваться, говоря вслух – сейчас она одна:

– Интересно, кто это такой. Конечно, джентльмен. Но есть джентльмены и джентльмены, холостяки и...

У нее на языке слово «женатые», но она его не произносит. Напротив, вздыхает и продолжает:

– Какая жалость, если он...

Опять она спохватывается: мысль и без слов достаточно неприятна.

Стоя перед зеркалом, Гвен втыкает длинные булавки в волосы, чтобы удержать на месте мятежные пряди, и вслух продолжает:

– Если бы перекинуться хоть словечком с молодым лодочником, который его возит! Если бы мой собственный лодочник не был таким болтуном, я бы ему это поручила. Но нет! Этого делать нельзя. Он тут же расскажет тетушке; и тогда мадам опекунша будет говорить мне всякие серьезные вещи – и мне это совсем не понравится. Ну, всего через шесть месяцев ее опекунство над этой молодой леди кончится – по крайней мере по закону. Тогда я стану сама себе хозяйка, и у меня будет достаточно времени, чтобы подумать, нужен ли мне ... хозяин. Ха-ха-ха!

Она засмеялась, разглядывая свою прекрасную фигуру в зеркале, завершила туалет, надев на голову шляпку и закрепив резинку, чтобы шляпку не снесло в лодке. Бросив последний взгляд в зеркало – в нем отразилось довольное выражение, – Гвен легко вышла из комнаты и спустилась по лестнице.

Глава вторая

Герой

Мужчина красивее Вивиана Райкрофта никогда не носил мундир и ташку (Гусарская кожаная сумка, которую носили на ремне. – Прим. перев.). Потому что наш герой – гусарский капитан.

Сейчас он не на службе и не вблизи от ее сцены. Часть его расположена в Олдершоте, а он сам живет в Херефордшире, приехал сюда, чтобы провести несколько недель отпуска.

Во время нашей с ним встречи он не в седле, в котором обычно сидит так грациозно, а в гребной лодке на реке Уай, той самой, которую Гвен Винн только что разглядывала через двойное стекло лорнета. И нет сейчас на нем мундира и гусарского кивера; напротив, на нем легкий шевиотовый костюм, в стиле рыболова, на голове шляпа в форме шлема и с подкладкой из хлопка; шлем безупречно белый, но идет капитану к лицу, контрастируя с бронзовой кожей и темными военными усами.

Капитан Райкрофт не безбородый юноша, это тридцатилетний мужчина, загоревший под жарким индийским солнцем, имеющий большой опыт индийских кампаний от Синда и Пенджаба до самого памятного момента – мятежа (Речь идет о восстании сипаев 1857-1859 годов. – Прим. перев.).

Капитан – очень привлекательная личность, особенно для женщин; женщины при встрече с ним испытывают почти инстинктивный трепет. Многие английские красавицы вздыхают о нем; и многие смуглые женщины Индостана; а он при этом даже не вздохнет, даже не подумает о них. Он не холоден по натуре и ни в каком смысле не аскет; напротив, характер у него веселый и добрый; и капитан имеет склонность к женскому обществу. Но никогда не флиртует; иначе не рыбачил бы на Уае – именно этим он сейчас занимается, – а проводил бы время в Лондоне, принимая участие в развлечениях «сезона»: днем прогуливался бы по Роттен-Роу (Аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке. – Прим. перев.), а по вечерам пропадал бы в оперных ложах или на балах. Короче, капитан Райкрофт один из тех редких людей, которые богато одарены физически и умственно, но не подозревают об этом или не проявляют своего знания; в то время как окружающим эти качества бросаются в глаза.

Он уже три недели живет в прибрежном городке, остановившись в гостинице, которую предпочитают рыбаки и туристы. Но пока ни с кем из местных дворян не знакомился. Мог бы, если бы захотел; но он не хочет; цель его поездки на Уай не поиски общества, а лосось, вернее, его поимка. Пылкий последователь древнего Исаака, он больше ничем не интересуется – во всяком случае в том районе, где сейчас проживает.

Таково было его настроение в определенное утро; но именно тогда произошла перемена, такая же внезапная, как прыжок лосося за самой яркой и заманчивой мухой. И перемену эту вызвало лицо, которое капитан увидел на мгновение и случайно, отдаваясь своему любимому занятию. Вот как это произошло.

Ниже городка, в котором он остановился, в четырех-пяти милях по течению, капитан обнаружил одно из тех мест, где король речных рыб любит ловить мух, настоящих и искусственных, – занятие, которое ему приходится часто оплакивать. Не раз такие прыжки заканчивались на леске удочки капитана Райкрофта; ему не раз удавалось ловить двадцати-фунтовых лососей, а один раз пойманный лосось на весах вытянул тридцать фунтов. Соответственно этот участок реки стал любимым местом капитана, и он проводил там не менее трех дней в неделю. По дороге туда грести не трудно, зато гораздо труднее на обратном пути – пять миль вверх по реке, против очень сильного течения. Однако это дело не Райкрофта,

а молодого лодочника, по имени Уингейт, услуги которого капитан гусар оплачивает еженедельно; он нанял лодку на все время, которое проведет на Уае.

В то утро, отправляясь в свое любимое место на час позже обычного, он встретил на реке другую лодку – прогулочную, о чем свидетельствовали ее украшения и внутреннее убранство. На все это ловец лососей не обратил внимания: глаза его были заняты сидящими на скамье. В лодке оказалось трое: две женщины сидели на корме под пологом, а третий – лодочник. Он для лучшего равновесия сидел впереди. На него гусарский офицер бросил лишь беглый взгляд, удостоверившись, что это слуга в шляпе и полосатой куртке. На одну из женщин рыболов тоже бросил лишь взгляд; но зато вторую, ту, что сидела за рулем, разглядывал, как только допускали приличия; и когда лодка с девушками проплыла мимо, лицо этой второй оставалось в памяти капитана, словно он по-прежнему его видит.

Все это произошло при первой встрече, но повторилось во время второй, происшедшей на следующий день, при аналогичных обстоятельствах и почти на том же месте; лицо показалось Вивиану Райкрофту еще прекраснее, впечатление от него – еще глубже. Оно обещало навсегда остаться в его памяти. Сверкающее лицо, обрамленное ярко-рыжими волосами. Ибо это была Гвендолин Винн.

При второй встрече он лучше разглядел ее, потому что лодки прошли ближе друг к другу; но все же не настолько близко, насколько ему хотелось и насколько позволяли хорошие манеры. Тем не менее он чувствовал себя удовлетворенным, особенно когда вспоминал ответный взгляд, который тоже при данных обстоятельствах можно было назвать горячим. Отвечает ли обладательница этого взгляда взаимностью на тайное восхищение капитана?

Таковы были его мысли, когда расстояние между лодками начало увеличиваться: одна медленно, с трудом поднималась вверх, другая быстро скользила вниз.

Лодочник не мог сказать, кто эта леди и где живет. На второй день Райкрофт не спрашивал, потому что спросил уже в первый. Добавилось только название лодки. Лодочник, сидевший лицом к корме, сказал, что лодка называется «Гвендолин», как его собственная – «Мэри», хотя это название написано не позолоченными буквами.

Это может помочь капитану Райкрофту в его поисках; думая об этом, капитан запомнил название.

Прошла еще одна ночь; снова солнце встало на Уае; снова капитан приближается по реке к своему любимому месту для ловли рыбы; но день оказался потраченным зря: ни лосося, ни янтарных волос; капитан не думал о рыбе, забрасывал удочку небрежно, и, наверно, поэтому у него не клевало.

Однако Райкрофт не обескуражен; он направляется и на следующий день – тот самый, когда его разглядывали в бинокль. Капитан уже догадывается, что дом заинтересовавшей его речной нимфы недалеко от напоминающего пагоду строения, которое он часто видел на правом берегу реки. Потому что прогулочную лодку он встречает как раз у островка, а старик лодочник вряд ли способен на долгую греблю против течения. Впрочем между этим местом и городом на берегу реки расположено еще несколько жилищ джентльменов, а некоторые стоят подальше от реки. Девушка может быть из любого из них.

Однако это не так. Теперь капитан Райкрофт в этом уверен. Он увидел в павильоне какую-то занавеску и две женские головки над балюстрадой; и одна из этих головок блестит на солнце, яркая, как сами солнечные лучи.

Он смотрит на это через подзорную трубу, потому что капитан тоже вооружился для наблюдений. И наблюдения подтверждают его догадку. Теперь нетрудно будет узнать имя леди. Достаточно только расспросить.

Он хотел бы попросить Уингейта задержать лодку, но ему не хочется посвящать лодочника в свою тайну, потому капитан молчит, и вскоре летний павильон исчезает из виду, закрытый ненавистными деревьями.

Продолжая путь к своему излюбленному месту, капитан предаётся размышлениям, вначале приятным. Ему приятно думать, что девушка, предмет его размышлений, живет в хорошем доме; об этом он заключает по заметному из-за деревьев верхнему этажу. Отныне нет сомнений, что по социальному статусу она леди. Красивая прогулочная лодка с богатым убранством, почтенный слуга – все это не просто доказательства респектабельности. Это свидетельство стиля.

Но приятным размышлениям мешает мысль о том, что сегодня он, возможно, не встретит прогулочную лодку. Судя по прошлым встречам, в это время она может быть на реке: капитан специально так рассчитал свою рыболовную экскурсию. Но, увидев девушек в летнем павильоне, он теперь сомневается, что увидит их ближе; по крайней мере в ближайшие двадцать четыре часа. Скорее всего они уже побывали на реке и возвращаются домой. Почему он не начал раньше?

Испытывая раздражение от таких мыслей, Райкрофт замечает другую лодку, совсем непохожую на «Гвендолин», – тяжелое, похожее на баржу судно с четырьмя мужчинами в нем; неуклюжие парни, явно не привыкшие к воде. Однако они совсем не боятся. Напортив, ведут себя так, чтобы показаться отчаянными храбрецами, не обращающими внимания на опасность. Впрочем, может они о ней и не подозревают. Время от времени один из них встает и идет к корме или на нос, словно в пустом угольном вагоне, а не в лодке на воде. Будь лодка чуть более валкой, она обязательно перевернулась бы.

Подплыв поближе, капитан Райкрофт и его лодочник поняли причину такого эксцентричного поведения: причина стала ясна по черной бутылке, которую один из мужчин держит в руках, и по стаканам, которыми размахивают другие. Они пьют; и судя по громким крикам и размашистым жестам, пьют уже давно.

– Отвратительное зрелище! – замечает молодой лодочник, разглядывая встречную лодку через плечо: сидит он за веслами спиной к этой лодке. – Углекопы из Форест Дин, думаю.

Райкрофт, сидящий с сигарой в зубах и думающий совсем о другой лодке, лишь коротко кивает.

Однако от размышлений его отрывают слова, произнесенные громче обычного; слова эти относятся к нему и его спутнику. Вот эти слова:

– Стой, парни! Нам повезло! Там лодка с двумя типами. Наверно, джентльмены из города. Не перевернуть ли нам их?

– Давайте перевернем! Искушаем их! – подхватывают другие. Тот, что держал бутылку, бросает ее на дно лодки и берется за весла.

Все следуют его примеру, потому что плывут в четырехвесельной лодке; и через несколько секунд они гребут прямо к рыбаку.

С изумлением и растущим возмущением смотрит гусарский офицер, как тяжелая баржа направляется носом прямо на его легкую лодочку; Уингейт в то же мгновение осознает опасность.

– Они задумали неприятности, – замечает он. – Что нам делать, капитан? Если хотите, я не подпущу их к «Мэри». Мы проплывем мимо.

– Сделайте, – отвечает офицер, по-прежнему держа сигару в зубах, но теперь он свирепо сжимает ее, почти перекусив пополам. – Если у вас получится, – продолжает он, с усилием сдерживаясь, – в нашем положении так лучше всего. Похоже, они приплыли снизу; если будут плохо себя вести при встрече, посчитаемся с ними на обратном пути. Не думайте о курсе. Я займусь рулем. Вот так, посильнее правым веслом!

Лодки находятся на расстоянии трех корпусов друг от друга. В это мгновение Райкрофт неожиданно налегает на руль и резко меняет курс, давая возможность своему лодочнику пользоваться веслами и избежать опасного столкновения.

Лодки расходятся, к явному разочарованию преследователей. Скиф быстро уходит за пределы их досягаемости, танцуя на быстром течении, словно насмехаясь над ними. Они роняют весла и посылают вслед лодке хор святотатственных проклятий.

В перерыве гусарский офицер наконец достает сигару изо рта и произносит:

– Послушайте, вы, подонки! Вы об этом пожалеете! Кричите, пока не охрипнете. Вас ждет расплата и, может, быстрее, чем вы думаете.

– Да, мошенники! – подхватывает его лодочник, возмущенный настолько, что у него едва пена не идет изо рта. – Вы дорого заплатите за попытку опрокинуть лодку Джека Уингейта. Так и будет.

– Ба! – насмешливо отзывается один из хулиганов. – Провались ты со своей лодкой!

– Да, провалитесь вы! – подхватывает хор пьяных голосов. Но тут рыбацья лодка скрывается за поворотом, и крики стихают.

Глава третья

Подкупленный Харон

Газон Ллангоррен Корта, на время предоставленный тупым четвероногим, которые опять принимаются спокойно пастись, снова оживляется присутствием двух девушек, но настолько преобразившихся, что их с трудом можно узнать. Конечно, перемена вызвана их платьями: на мисс Винн теперь голубой морской бушлат с пуговицами с якорем, на голове кокетливо сидит соломенная шляпка, ее голубые ленты составляют красивый контраст с хромово-желтыми волосами, собранными в большой узел. Если бы не развевающаяся юбка, ее легко принять за юного корабельного гардемарина, на щеках которого только показался пушок, того самого, который «находит милых в каждом порту».

Наряд мисс Лиз меньше напоминает о море: она только набросила поверх утреннего платья пальто обычного типа, а на голову надела неаполитанскую шляпу с плюмажем. Тем не менее наряд ей очень к лицу, особенно разбойничий головной убор поверх тонких черт лица и кожи, смуглой, как у дочерей юга.

Девушки уже направились к лодочному причалу, когда обнаруживается препятствие – не для Гвен, а для ее спутницы.

– Мы забыли о Джозефе! – восклицает мисс Лиз.

Джозеф – старинный слуга семейства Винн, в семейных делах он выступает во многих обличьях, в том числе в роли лодочника. В его обязанности входит забота о «Гвендолин»; лодка должна быть всегда на причале, со всеми принадлежностями, готовая к плаванию; Джозеф должен грести, когда молодая госпожа отправляется на прогулку по реке, или перевозить на другой берег кого-нибудь из членов семьи; последнее бывает нередко, потому что вверх и вниз по течению на много миль нет ни одного моста.

– Нет, не забыли, – отвечает на восклицание спутницы хозяйка Джозефа. – Я хорошо о нем помню, слишком хорошо.

– Почему слишком хорошо, – чуть удивленно спрашивает девушка.

– Потому что он нам не нужен.

– Но, Гвен, ты ведь не собираешься плыть одна?

– Собираюсь и сделаю. Почему бы и нет?

– Мы раньше так никогда не делали.

– Есть причины, почему бы не сделать сейчас?

– Но мисс Линтон это не понравится, она может даже рассердиться. К тому же, ты знаешь, на реке может быть опасно.

Гвен ненадолго замолчала, как будто обдумывала услышанное. Она не думает об опасности. Гвен не их тех, кто легко пугается. Но мисс Линтон – ее тетушка и, как уже говорилось, ее законный опекун до совершеннолетия, глава дома; она старшая в семье, хотя и пользуется своей властью очень мягко. Именно сейчас не стоит ее сердить, и мисс Винн не намерена это делать. Напротив, она предпочитает схитрить. Думая об этом, она отвечает:

– Наверно, мы можем взять его с собой; хотя меня это раздражает, и по ряду причин.

– По каким? Я могу узнать?

– Конечно. Во-первых, я могу грести не хуже его, если не лучше. А во-вторых, мы не можем и слова сказать друг другу так, чтобы он не услышал; а это плохо и иногда очень неудобно. Мне известно, что старый скряга – неисправимый сплетник и болтает по всему приходу; мне бы хотелось, чтобы с нами был кто-нибудь другой. Какая жалость, что у меня нет брата! Он бы поплыл с нами. *Но не сегодня.*

Главная причина остается невысказанной. В предполагаемой водной экскурсии Гвен не нужен спутник мужского пола, и прежде всего не брат. И Джозефа она тоже не возьмет, хотя выразила на это согласие и попросила спутницу позвать его.

Когда девушка направляются на конюшню, где обычно проводит время перевозчик, Гвен задумчиво говорит себе самой:

– Я возьму Джозефа только до лодки, но ни ярд дальше. Я знаю, что его удержит, – не хуже пойнтера, у которого в шести футах от носа куропатка. Кстати, с собой ли у меня сумочка?

Она роется в карманах морского бушлата и, к своему удовлетворению, находит то, что искала.

К этому времени мисс Лиз вернулась и привела с собой разговорчивого Джозефа, старого слугу respectable семейного типа, которому около шестидесяти лет.

После недолгих расспросов относительно состояния лодки, ее весел и рулевого устройства все трое направляются к причалу.

Спустившись в самый низ лестницы, ведущей к реке, хозяйка Джозефа поворачивается к нему и говорит:

– Джо, старина, мы с мисс Лиз отправляемся покататься; но день сегодня прекрасный, вода гладкая, как зеркало, и тебе не нужно плыть с нами. Подожди здесь нашего возвращения.

Почтенного слугу это предложение застаёт врасплох. Ничего подобного он раньше не слышал: никогда раньше прогулочная лодка без него не выходила на реку. Правда, это совсем не его дело; тем не менее, старинная опора семейства, его чести и безопасности, он не может согласиться с этим странным новшеством, не выразив своего протеста. Он так и поступает, спрашивая:

– Но, мисс Гвин, что скажет ваша тетушка? Разве ей понравится, что вы, леди, оказываетесь на реке в одиночестве? К тому же, мисс, на реке вас могут встретить веселые люди. И среди них грубияны и хулиганы.

– Вздор, Джозеф! Уай не Нигер, где мы могли бы опасаться участи Мунго Парка (Исследователь Африки, пропавший на реке Нигер в начале 19 века. – Прим. перев.). Да мы будем в такой же безопасности, как на собственной подъездной дороге или в рыбьем садке. А что касается тетушки, то она ничего не скажет, потому что не узнает. Не сможет узнать, если ты не расскажешь. А ты, мой дорогой Джозеф, этого не сделаешь... Я уверена, что не сделаешь.

– Но как мне этого не сделать, мисс Гвен? Когда вы уплывете, кто-нибудь из слуг меня увидит, и хотя я буду держать язык за зубами...

– Вот и держи! – резко прерывает его наследница. – И перестань болтать, Джо! Слуги тебя не увидят, никто не увидит. Когда мы будем на реке, ты бросишь якорь в этих лавровых кустах. А чтобы удержать тебя на якоре, вот металлический груз.

С этими словами она сует ему в руку несколько шиллингов, добавив, когда замечает их эффект:

– Достаточно ли тяжелый якорь? Если нет... но неважно. В наше отсутствие забавляйся, взвешивая и подсчитывая монеты. Мне кажется, они тебе помогут.

Гвен, зная слабость старика к деньгам, уверена в этом. Так и оказалось.

Ее аргументы слишком сильны, чтобы он продолжал спорить, и Джозеф больше не противится. Несмотря на свою всегдашнюю заботу о благополучии семьи Винн, вопреки своему долгу, старый слуга перестает спорить и принимается отвязывать трос «Гвендолин».

Взойдя на борт, другая Гвендолин берется за весла, мисс Лиз садится за руль.

– Хорошо! А теперь, Джо, оттолкни нас.

Джозеф, отвязав трос, выполняет приказ, и легкая лодка выходит из бухточки. Стоя на нижней площадке лестницы, старик ловким движением пальцев раскладывает монеты на ладони – чтобы увидеть, сколько их, – с довольным выражением пересчитывает и сует в карман, бормоча про себя:

– Еще бы не хорошо. Мисс Гвен способна постоять за себя, а старой леди совсем не обязательно об этом знать.

И чтобы подтвердить последние слова, он быстро поднимается по лестнице и прячется в самой гуще кустов лавра – к большому неудовольствию пары дроздов, которые только что соорудили здесь гнездо и занялись высиживанием.

Глава четвертая На реке

Прекрасная лодчица, усердно работая веслами, вскоре выводит лодку из вторичного русла в основное.

Оказавшись в сильном потоке, она оставляет весла и позволяет лодке плыть по течению; на милю ниже Ллангоррена река течет между низких лугов, всего на несколько футов поднимающихся над уровнем воды; в паводок вода становится с ними вровень.

Но сегодня паводка нет: уже неделю не было дождя, и вода Уая чиста и прозрачна. И гладка, как зеркало; только изредка легкий зефир, касаясь ее, вызывает самую мелкую рябь; ласточка задевает воду своими крыльями-саблями; или прыжок лосося вызывает появление кругов, которые расходятся все шире и шире, пока совсем не исчезнут. То же самое происходит со следом от кия: борозда от него сразу закрывается, и течение спокойно продолжается; а отражение девушек, слишком яркое, чтобы называть его тенью, падает то по одну сторону лодки, то по другую, когда капризная река делает поворот.

Никогда ни одна лодка не несла по Уаю более прекрасный груз. Обе девушки красавицы, хотя совершенно разного типа и в разной степени; с одной из них – с Гвендолин Винн – не может сравниться ни одна речная нимфа или наяда; ее красота в телесном воплощении намного превосходит полет самого романтического воображения.

Но сейчас она о себе не думает, тем более таким образом. Гвен совсем не тщеславна; напротив, подобно Вивиану Райкрофту, она скорее недооценивает себя. И, вероятно, больше чем когда-либо именно этим утром; она думает о нем, желает, чтобы он был с нею, но не очень на это надеется. Такой мужчина должен был видеть немало прекрасных женщин, завоевал множество женских улыбок. Как может она ожидать, что он им сопротивлялся или что его сердце еще свободно?

Размышляя так, Гвен сидит на скамье полуобернувшись, погрузив весла в воду, смотрит вниз по течению, словно ищет там что-то. А ищет она белую шляпу в форме шлема.

Но не видит. Это вызывает у нее боль, и девушка резко опускает весла в воду и возобновляет греблю; и теперь, словно в злости, весла каждый раз разбивают ее собственное яркое отражение.

Элен Лиз все это время тоже занята; внимание ее частично занимает руль, но в основном она разглядывает берега по обеим сторонам – зеленые пастбища, на которых пасутся беломордые «херефорды» (Херефордская порода – самая распространенная порода мясного скота. – Прим. перев.). Иногда они группами стоят в тени деревьев, образуя картины, достойные кисти Морланда или Койпа (Джордж Морланд – английский художник 18 века. Альберт Койп – голландский художник 17 века. Оба художника известны своими изображениями пасущихся стад. – Прим. перев.). Группами или в одиночку возвышаются старые тополя; сквозь их полураспустившуюся листву видны закругленные кисти омелы, похожие на грачиные гнезда. Тут и там деревья свешиваются над водой, бросая тень на глубокие омуты, в которых затаилась в засаде прожорливая щука, поджидая добычу; а на голых ветвях вверху можно заметить другого преследователя добычи – зимородка, чье яркое оперение так контрастирует с окружающей поверхностью, словно кусочек неба упал сверху. Иногда зимородок ныряет или летит над поверхностью воды, вызывая панику среди мелких гольянов; зимородок сам испуган и удивлен вторжением лодки в свое обычно такое мирное владение.

Мисс Лиз, натуралист по склонностям, не раз посещавшая местный «полевой клуб» в «женские дни», отмечает все это. «Гвендолин» плывет, а девушка наблюдает за водяными лютиками, чьи белоснежные венчики, гнущиеся по течению, лодка часто грубо срывает;

а вверху, на берегах, сверкают их золотые наземные собратья, смешиваясь с желтым и пурпурным вербейником, с ветреницей, с бледными, лимонного цвета ложными нарциссами; и все это целует и мягко овеивает теплый весенний ветерок.

Легко ведя лодку по течению, мисс Лиз имеет возможность наблюдать за природой, ничем не ограниченной в своем действии, и пользуется этой возможностью. Она радостно смотрит на только что распустившиеся цветы, зачарованно слушает птичий хор, который на Уае прекрасней, чем где бы то ни было на земле. Со многих глубоких долин из окрестных холмов доносится песня дрозда, который словно хочет превзойти своего ночного соперника соловья; или дрозд поет для своей самки, которая сидит в гнезде, занятая заботой о потомстве. Девушка слышит песни черного дрозда, трели летящего высоко над землей жаворонка, мягкие звучные крики кукушки, сливающиеся с резкими звуками сойки и с насмешливым скрежетом зеленого дятла – последний по громкости совершенно не соответствует размерам птицы и очень напоминает крик орла. Странное совпадение, но на местном диалекте дятла называют словом, очень напоминающим название орла!

Размышляя об этом, Элен не обращает внимания на поведение спутницы. А мисс Винн не думает ни о цветах, ни о птицах. Только когда крупный коршун слетает с вершины лесистого холма и какое-то время висит в небе над головой, уделяет она некоторое внимание тому, что так занимает другую.

Девушки сидят, глядя на резко очерченные сильные крылья и на длинный раздвоенный хвост; все это, словно резная каменная вырисуется на фоне неба.

– Прекрасное зрелище! – замечает Элен. – Какое замечательное создание!

– Прекрасное, но плохое, – отвечает Гвен. – Как и многие другие одушевленные существа. Наверно, ищет какую-нибудь невинную жертву и скоро набросится на нее. Ах, Нелл, какой жестокий этот мир, несмотря на всю его красоту! Одно существо охотится на другое, сильные стремятся сожрать слабых, а слабые вечно нуждаются в защите! Неудивительно, что мы, женщины, самые слабые из всех, так хотим...

Прервав свою речь на полуслове: они сидит молча и с отсутствующим видом поигрывает руками весел, которые подняла над водой.

– А чего же мы хотим? – спрашивает вторая девушка.

– Выйти замуж! – отвечает наследница Ллангоррена, поднимая руки и выпуская весла; те с плеском падают в воду, словно чтобы заглушить такие смелые слова; тем не менее, продолжая наблюдать за своей спутницей, Гвен повторяет свой вопрос в другой форме: – Разве это странно, Элен?

– Вероятно, нет, – робко отвечает Элен; она покраснела, потому что понимает, насколько близко касается этот вопрос ее самое; она почти уверена, что именно ее и имеет в виду Гвен. – Совсем не странно, – добавляет она тверже. – Наоборот, я бы сказала, что это очень естественно: для женщин, которые действительно бедны и слабы и нуждаются в защитнике. Но ты, Гвен, не бедна и не слаба; напротив, ты сильна и богата, и у тебя нет такой необходимости.

– Я совсем в этом не уверена. Со всеми своими богатствами и силой: я действительно сильна и могу грести не хуже любого мужчины... – С этими словами она, словно в доказательство, делает несколько сильных гребков и продолжает: – Да, я считаю, что у меня и храбрости достаточно. Однако, поверишь ли, Нелл, иногда, несмотря на все это, меня охватывает странный страх.

– Страх чего?

– Не знаю. Это самое странное: никакая опасность мне не грозит. Время от времени меня охватывает смутное тревожное предчувствие, ложится мне на сердце, делая его тяжелым, как свинец, печальным и темным, как тень той злой птицы на воде. Ах! – восклицает

она, отводя взгляд от коршуна, как будто его вид навлек на нее страх, о котором она только что говорила.

– Если бы это была сорока, – со смехом замечает Элен, – ты могла бы смотреть на нее с подозрением. – Так смотрит большинство, даже те, кто утверждает, что они не суеверны. Но коршун – никогда не слышала, чтобы он предвещал зло. Тем более его тень; ты ведь видишь: это всего лишь точка по сравнению с окружающей яркой поверхностью. Если бы твои будущие печали были такими же относительно радостей, это ничего не значит. Смотри: и птица и ее тень улетели – и твои беды улетят, если они у тебя есть.

– Улетят – может быть; но скоро вернуться. Эй! Смотри туда! Как я и говорила!

Коршун, выпустив когти, устремляется на добычу; но промахивается: голубь, предупрежденный тенью хищника, резко поворачивает и на сильных крыльях уходит от смертоносных когтей. Однако он еще не в безопасности: древесное убежище далеко на лесистом склоне, а хищник продолжает преследование. Но у коршуна тоже есть враг – лесник со своим ружьем. Неожиданно коршун прерывает свой полет, перестает размахивать крыльями и падает; в воздухе гремит выстрел, и голубь беспрепятственно устремляется к холму.

– Прекрасно! – восклицает Гвен, положив весла на колени и радостно захлопав в ладоши. – Невинный спасся!

– Ты должна не только радоваться этому, но и испытывать уверенность, – вставляет ее компаньонка. – Это символ тебя и твоих воображаемых опасностей.

– Верно, – соглашается Гвен, – но, как видишь, птица нашла защитника – случайно и в самое последнее мгновение.

– Ты тоже найдешь; и не случайно, а тогда, когда тебе понадобится.

– Ох! – восклицает Гвен, к которой словно вернулась храбрость. – Мне не нужен никакой защитник! Я сильна и способна постоять за себя! – Еще один сильный гребок подтверждает это. – Нет, – продолжает Гвен, говоря между рывками, – мне не нужен защитник, По крайней мере пока. И надеюсь, еще долго не понадобится.

– Но один тебя ждет, – говорит компаньонка. – И хочет побыстрее дожидаться.

– Еще бы! Ты, вероятно, имеешь в виду мастера Джорджа Шенстона. Попала я в точку?

– Да.

– Ну, так что же с ним?

– Все видят, какое внимание он тебе уделяет.

– Эти все – сплетники! Если они так наблюдательны, то должны были заметить и то, как я его принимаю.

– Конечно, заметили.

– Ну и что?

– Ты принимаешь его любезно, Все считают, что ты о нем высокого мнения.

– Так и есть, В мире много людей гораздо хуже Джорджа Шенстона; вероятно, не много лучше. И многие хорошие женщины были бы рады стать его женой. Но я знаю одну, которая к нему совершенно равнодушна, – это Гвен Винн.

– Но он такой красивый, – настаивает Элен. – Самый красивый джентльмен из всех наших соседей. Все так говорят.

– И в этом все ошибаются – если бы только призадумались. Но ведь не задумываются. Но одна женщина считает, что есть мужчина и привлекательней.

– Кто же это? – удивленно спрашивает мисс Лиз: она никогда не слышала, чтобы Гвен вслух высказывала свое предпочтение.

– Преподобный Уильям Масгрейв, – отвечает Гвен, в свою очередь внимательно наблюдая за спутницей, которая при этом ответе вспыхивает и ощущает укол в сердце. Неужели ее богатой родственнице, наследнице Ллангоррен Корта, приглянулся бедный помощник викария ллангорренской церкви, который давно уже втайне привлекает мысли

самой Элен? С усилием пытаюсь скрыть тревогу, вызванную этим признанием, девушка, запинаясь, спрашивает:

– Тебе кажется, что мистер Масгрейв красивой мастера Шенстона?

– Конечно, нет! Кто тебе это сказал?

– О!.. Мне показалось... – облегченно отвечает Элен. – Я подумала, что ты так считаешь.

– Нет, не считаю. Я сказала только, что есть женщина, так считающая; но это не я. Сказать тебе, кто это?

Элен успокаивается; ей не нужно говорить, что эта женщина – она сама.

– Можешь мне это разрешить, – продолжает Гвен непринужденно. – Неужели ты считаешь, мисс Лиз, что я не проникла уже давно в твою тайну? Ведь только в последнее Рождество ты помогала скромному его преподобию украшать церковь! Кто мог не заметить, как вы касались рук друг друга, когда переплетали алтарь ветвями плюща? А ветки падуба... вы с ними обращались так беззаботно, что я боялась, как бы вы не оцарапали руки! Нелл, мне было все так же ясно, словно это я сама. К тому же я наблюдала это много раз, как и все в приходе. Ха! Как видишь, не только за мной все наблюдают; разница только в том, что относительно меня эти все заблуждаются, а относительно тебя нет; напротив, говорят правду. Послушай, сознавайся! Я права? Не бойся, можешь мне довериться.

Элен признается, хоть и не на словах. Молчание ее достаточно красноречиво; еще красноречивей опущенные ресницы и покрасневшие щеки. Она любит мистера Масгрейва.

– Достаточно! – говорит Гвен, правильно истолковав ее молчание. – И поскольку ты была со мной откровенна, я отплачу тебе той же монетой. Но имей в виду: дальше это не должно пойти.

– Конечно, нет, – заверяет ее собеседница: успокоившись относительно викария, она готова пообещать что угодно.

– Как я уже сказала, – продолжает мисс Винн, – в мире немало людей гораздо хуже Джорджа Шенстона и мало лучше. Никто лучше него не разбирается в охотничьих псах, и мне говорили, что он лучший стрелок в округе и лучший бильярдный игрок в клубе – все эти достижения имеют вес для нас, женщин, – ну, по крайней мере для некоторых. Больше того, он действительно хорош собой и, как ты знаешь, богат и из хорошей семьи. Ему не хватает только одного, что нужно...

Она замолкает, погрузив весла в воду; их всплеск словно заглушает слова «нужно Гвен Винн».

– Чего именно? – спрашивает Элен, имея в виду этот недостаток.

– Клянусь, не могу сказать – ради своей жизни не могла бы! Это что-то неопределенное: чувствуешь, но не в состоянии объяснить – как эфир, как электричество. Может, это и есть электричество. Во всяком случае это то, что заставляет нас, женщин, влюбляться, как ты, несомненно, обнаружила, когда твои пальцы ... гм, кололи ветви падуба. Ха-ха-ха!

И она с веселым смехом снова начинает грести; какое-то время девушки молчат, слышатся только голоса птиц, созвучные сладкому журчанию воды у бортов лодки, и скрип весел в уключинах.

Но после недолгого молчания мисс Винн снова нарушает его испуганным восклицанием:

– Смотри!

– Что? Где?

– Вон там! Мы говорили о коршунах и сороках. Вон те птицы – еще более дурное предзнаменование!

Они проплывают мимо устья небольшого впадающего в реку ручья и видят на некотором удалении двух мужчин: один сидит в маленькой лодке, другой стоит на берегу. Муж-

чины разговаривают. Тот, что в лодке, приземистый, плотно сбитый, в вельветовых брюках и меховой шапке; тот, что стоит, худой: в черном костюме – церковного покроя. Ручеек течет между зарослями, которые частично скрывают разговаривающих, тем не менее мисс Винн узнает их обоих. Ее спутница тоже; Элен говорит словно самой себе:

– Один из них французский священник, у которого часовня выше по реке, на противоположном берегу; второго считают неисправимым браконьером.

– Священник и браконьер! Странная пара; впрочем, в чем-то они похожи. Интересно, о чем они шепчутся. Похоже, они не хотят, чтобы их услышали. Тебе так не показалось, Нелли?

Лодка миновала устье, и мужчин больше не видно.

– Кажется, – соглашается мисс Лиз. – Во всяком случае этого не хочет священник. Увидев нас, он отпрянул в заросли.

– Я вполне разделяю желание его преподобия. Не хочу больше его видеть!

– Я часто встречаю его на дорогах.

– Я тоже – и не только на них. Он всюду появляется и вмешивается в дела других. Последний раз я видела его на охоте – в толпе и, конечно, пешком. Он был недалеко от меня и все время следил за мной своими совиными глазами; так нахально, что я хотела хлестнуть его по плечам. Что-то есть в этом человеке отталкивающее; не переношу его вида.

– Говорят, он большой друг и постоянный собеседник твоего достойного кузена мистера...

– Не называй *его* по имени, Нелл! Не хочу о нем думать, тем более говорить. Последние слова моего отца: никогда не позволяй Льюину Мердоку ступать на порог Ллангоррена. Несомненно, у него были на то причины. Честное слово, день сегодня, хоть и яркий и солнечный, полон мрачными предзнаменованиями. Хищные птицы, священники и браконьеры! Достаточно, чтобы ко мне вернулся мой страх. Теперь я жалею, что мы не взяли с собой Джозефа. Ну, нужно побыстрее вернуться домой.

– Повернуть лодку? – спрашивает рулевая.

– Нет, пока не нужно. Не хочу снова проплывать мимо этих двоих. Лучше немного подождем; тогда, возвращаясь, мы их не увидим, не потревожим спокойствие священника, тем более его совесть.

Причина не совсем та; но мисс Лиз воспринимает ее без подозрений и продолжает направлять лодку вниз по течению.

Глава пятая

Опасность впереди

Еще примерно с полмили «Гвендолин» плывет по течению, но не ровно: причина в той, что сидит за веслами. Девушка занята мыслями и то и дело пропускает гребок или гребет неровно, и поэтому лодка движется зигзагами, из стороны в сторону, и если бы не внимательная рулевая, она могла бы столкнуться с берегом.

Видя задумчивость подруги, то, как она время от времени разглядывает реку, но не подозревая о причине, мисс Лиз наконец спрашивает:

– Что с тобой, Гвен?

– Ничего, – уклончиво отвечает та, снова возвращаясь к лодке и гребле.

– Но почему ты так часто смотришь вниз по течению? Я заметила это много раз.

Если бы спрашивающая могла проникать в мысли, она не стала бы спрашивать: ниже по течению находится лодка, а в ней мужчина, который как раз обладает этим невидимым, подобным эфиру или электричеству, и которого мисс Винн так старается увидеть. Но она не торопится сообщать об этом спутнице.

Не получив ответа, Элен снова спрашивает:

– Ты чего-то боишься?

– Нет, насколько мне известно... никакой опасности впереди нет. Только намного ниже есть трудные места.

– Но ты так неровно гребешь! Мне требуется вся сила, чтобы удерживать лодку посредине реки.

– Тогда гребь ты, а я посижу за рулем, – отвечает мисс Винн; говоря это, она встает, оставив весла в уключинах, и направляется на корму.

Конечно, Элен не возражает; и вскоре девушки меняются местами.

Но на корме Гвенн ведет себя не лучше, чем посредине лодки. Лодка продолжает идти зигзагами, и теперь виновата была рулевая.

Вскоре новое обстоятельство привлекает внимание девушек, заставив на время забыть о ровном ходе. Обогнув выступ берега, они оказываются в месте с быстрым течением и волнующейся поверхностью воды; течение здесь такое быстрое, что весла не нужны; а вот чтобы плыть против него, нужны очень сильные руки. Захваченные быстрым, но ровным течением, девушки пока о возвращении не думают. Но вскоре эта мысль приходит к ним в виде дилеммы, и первая обращает на это внимание мисс Лиз.

– Боже! – восклицает она. – Что же нам делать? Мы по такому течению назад не выгребем. Оно здесь такое сильное!

– Верно, – соглашается Гвен, сохраняя самообладание. – Мне казалось, мы справимся.

– Но как мы доберемся вверх? Джозеф будет нас ждать, и тетушка обязательно все узнает, если мы не вернемся вовремя.

– Это тоже верно, – снова замечает мисс Винн с восхитительным хладнокровием, удивившим ее спутницу.

Наступает короткое молчание, которое нарушает короткое, в одно слово, восклицание мисс Винн. Вот это слово:

– Нашла!

– Что нашла? – радостно спрашивает Элен.

– Как вернуться назад – без неприятностей и не нарушая нашей договоренности со старым Джо.

– Объясни!

– Будем двигаться вниз по течению до Рок Вейра. Там оставим лодку и по пешейку доберемся до Ллангоррена. По суше там не больше мили, а по реке впятеро дальше. У Вейра найдем какого-нибудь лодочника, чтобы доставил «Гвендолин» к причалу. А сами пройдем побыстрее, незаметно проскользнем по нашим землям, вовремя доберемся до лодочной пристани и велит Дездему молчать о происшедшем. Я знаю, нам это удастся с помощью еще полукроны.

– Вероятно, другого способа нет, – соглашается ее спутница, – и мы должны сделать, как ты говоришь.

– Конечно, должны. Как видишь, не замечая этого, мы попали в самый каскад и далеко проплыли по нему. Только профессиональный лодочник может теперь выгрести наверх. Да, потребуется самый сильный из них, я бы сказала. Нам поневоле придется плыть до Рок Вейра. До него теперь не больше мили. Можешь осушить весла, поплывем немного так. Но, кстати, мне нужно внимательней следить за рулем. Я помню, впереди несколько опасных перекатов и отмелей, и мы совсем недалеко от них. Мне кажется, они за следующим поворотом.

Говоря так, она выпрямляется и решительно берется за руль.

Дальше плывут молча; легкое возбуждение, связанное с возможной опасностью впереди, делает речь неуместной.

Вскоре они огибают поворот, о котором говорили, и перед ними открывается новая протяженность реки; рулевая снова забывает о своих обязанностях, и выражение ее лица, только что встревоженное, неожиданно становится оживленным, почти радостным. Не из-за того, что миновали опасное место: опасность все еще впереди, немного ниже по течению. Но впереди еще кое-что – гребная лодка у берега и люди на берегу.

Выражение лица Гвен Винн снова изменяется, так же резко и неожиданно, как в первый раз. Она ошиблась: это не лодка красивого рыбака! Напротив, это четырехвесельная шлюпка, с четырьмя мужчинами, потому что именно столько их на берегу. А в лодке рыбака было только двое: он сам и гребец.

Но девушке не нужно считать мужчин или разглядывать их лица. Она видит, что все они ей незнакомы и совсем непривлекательны; никто ни в малейшей степени не похож на того, кто занимает ее мысли. И тут же она делает другое наблюдение – природная непривлекательность этих людей не устраняется из-за их занятия. Как раз напротив! Они пьют.

И в этот момент четверо мужчин, услышав звук весел, поворачивают головы. На мгновение наступает тишина; квартет на берегу разглядывает «Гвендолин». Вероятно, спяну мужчины принимают сидящих в лодке за обыкновенных деревенских девушек, с которыми можно вести себя не церемонясь. Так это или нет, но один из них кричит:

– Девчонки! Вон там!

– Да! – подхватывает другой. – Целая парочка. И какие хорошенькие! Посмотрите на эту, с золотыми волосами! Слово само солнце! Боже, вот это да! Да ее посадить в шахту, и будет светло, как при десятке ламп Дэви (Безопасная лампа, использовавшаяся в прошлом шахтерами. Названа по имени изобретателя. – Прим. перев.) Ну разве не красotka? Я хочу попробовать ее алые губки!

– Нет, – возражает первый, – она моя. Первый заговоривший первым и получает. Таков закон у нас в Форесте.

– Неважно, Роб, – соглашается второй, не настаивая. – Она, может, хороша на вид, но не самая лучшая. Я согласен на черную, у нее поцелуи слаще. Пошли проверим! Пошли, парни!

Побросав стаканы, все четверо бегут к лодке и берутся за весла.

До сих пор девушки по-настоящему не тревожились. Незнакомцы пьяны, от них можно ожидать грубостей, каких-нибудь дерзких замечаний, но ничего больше. В миле от дома, в пределах земель Ллангоррена, как могут они думать об опасности? Но опасность есть, и

девушки убеждаются в этом, подплывая ближе к четверым пьяницам и видя их лица. Невозможно не узнать их – хулиганы из Форест Дина, шахтерского района, как покузывают полумертвые лица весельчаков; в любое время эти люди не очень вежливы, но в пьяном виде становятся очень грубыми и даже опасными. Об этом знают все читатели местных газет, в которых печатаются отчеты о малых сессиях (Малые сессии – это местные суды, рассматривающие без присяжных заседателей дела о мелких преступлениях; обычно состоят из двух мировых судей. – Прим. перев.). Это заметно и по внешности пьяниц, по их малоразборчивой речи, по их действиям.

Девушки в прогулочной лодке больше не думают о порогах и мелях на реке, не боятся их. Никакой водоворот, даже сам Мальстрем, не может испугать их так, как эти четверо мужчин. Потому что теперь им владеет страх перед чем-то худшим, чем опасность утонуть.

Тем не менее Гвендолин Винн не трусит и не теряет присутствие духа. Она даже не возбуждена, а хладнокровна, словно попала в стремительное течение. Подвиги на охоте и на скачках по хересфордским дорогам дали ей крепкие нервы и способность смотреть в лицо любой опасности; ее робкая компаньонка дрожит от страха и что-то испуганно шепчет, но Гвен только говорит:

– Тише, Нелл! Не показывай им, что ты испугалась. Не так с ними нужно обращаться; это их только подбодрит.

Но совет пропадает зря: когда мужчины побежали к лодке, Элен Лиз испуганно вскрикнула и, задыхаясь, успевает только спросить:

– Дорогая Гвен! Что нам делать?

– Поменяться местами, – торопливо, но спокойно отвечает та. – Дай мне весла! Быстреей!

Говоря это, она уже встала и направилась с кормы к середине лодки. Элен, поняв ее намерение, уже оставила весла.

К этому времени грубияны уже оттолкнулись от берега и направляются к середине течения. Их цель совершенно ясна – перехватить «Гвендолин». Но другая Гвендолин уже села за весла; она гребет изо всех сил, потому что еще есть возможность проплыть мимо четырехвесельной лодки.

Через несколько секунд лодки разделяет всего несколько корпусов, тяжелая быстро приближается к легкой; лица сидящих в ней мужчин, повернутые через плечо, кажутся угрожающими. Один взгляд говорит Гвен Винн, что напрасно было бы попытаться упросить этих людей; они и не пытаются. Но и не молчит. Не в силах сдержать свое негодование, она говорит:

– Держитесь подальше, любезные! Для вас это может плохо кончиться. Не думайте, что вам удастся избежать наказания.

– Ба! – отвечает один из них. – Нас твои угрозы не испугают! Мы не боимся! Парни из Фореста никого не боятся. К тому же мы не причиним вам вреда. Все лишь поцелуй на всех, и тогда – может быть, мы вас отпустим.

– Да, поцелуйте-ка нас всех! – кричит другой. – Это пошлина, которую вы должны заплатить на нашей заставе; ну, и немножко пожмем вас!

Грубая шутка вызывает взрыв смеха у остальных троих. К счастью для тех, кого она касается, гребцы на мгновение забыли о веслах и, прежде чем они спохватились, прогулочная лодка проскользнула мимо них и поплыла дальше, раскачиваясь, как рыболовная.

В разочарованными возгласами пьяницы разворачивают свою лодку и гребут следом; теперь они налегают на весла изо всех сил. К счастью, им не хватает умения; а им, к счастью для себя, обладает гребущая на меньшей лодке. Теперь это умение ей пригодилось, потому что на какое-то время «Гвендолин» начинает удаляться. Но борьба неравная, четверо против

одной, к тому же сильные мужчины против женщины! Но Гвендолин старается оправдать то, что о ней говорят: что она способна грести почти так же мощно, как мужчина.

Какое-то время ей это удается. Но она не обманывается. Задача слишком тяжела для ее женских сил, которые быстро ей отказывают. Гребки становятся все слабее, а у преследователей наоборот. Теперь они работают в полную силу; и несмотря на плохое управление лодкой, быстро догоняют первую.

– Гребите, парни! – кричит самый отъявленный хулиган, очевидно, их предводитель. – Гребите, как ... ик!.. ик! – Пьяный язык отказывается произносить богохульственное слово. – Если поставите лодку рядом с этой зол... ик... лотоволосой, я вам выставлю выпивку в «Кайтс Нест», когда вернемся ... ик...домой!

– Ладно, Боб! – слышится в ответ. – Договорились! Сделаем! Не бойся!

Обещание выпивки в трактире Форест Дина утраивает их силы, соответственно возрастает скорость их лодки, и теперь не остается никаких сомнений, что они догонят убегающих. Уверенные в исходе, они продолжают высмеивать «девчонок», и речь их богохульственная и отвратительная.

А для девушек дела складываются не лучшим образом. Они впереди всего в двух корпусах лодки и вблизи резкого поворота речного русла; огибая поворот, они потеряют скорость, и их обязательно догонят. Что тогда?

Гвен Винн задает себе этот вопрос, и гнев в ее взгляде уступает место острой тревоге. Она бросает взгляды вправо, влево, назад через плечо, как и весь день, но теперь совсем с другой целью. Тогда она искала мужчину и хотела только взглянуть на него; теперь она ищет его же, но надеется, что он спасет ее от оскорблений или чего-нибудь еще худшего.

Но никого не видно – ни одного человека по обе стороны реки! Справа поднимается крутой мрачный утес, на его уступах виднеется несколько коз. Слева пологий берег, на котором пасутся овцы, ягнята лежат у их ног; но пастухов не видно; не к кому обратиться за помощью.

Гвен продолжает отчаянно грести; лодки приближаются к повороту. Они не успеют его обогнуть, как она окажется в руках этих ужасных лудей, ее обнимут их сильные медвежьи лапы!

Эта мысль добавила ей сил и энергии отчаяния. Гвен сделала последнее усилие, чтобы избежать преследователей, и обогнула выступ берега.

И тут же лицо ее проясняется, в глазах блестит радость; тяжело дыша, девушка восклицает:

– Мы спасены, Нелли! Мы спасены! Хвала Небу за это!

Нелли тоже благодарит Небо за спасение, хотя и ничего не понимает.

Глава шестая

Заслуженное купание

Капитан Райкрофт уже несколько минут находится на своем любимом месте – достаточно, чтобы убедиться, что снасти в рабочем состоянии, и забросить удочку в воду; он продельывает все это, говоря:

– Я не удивлюсь, Уингейт, если мы сегодня не увидим ни одного лосося. Небо слишком яркое, чтобы его вкуснейшее величество принял перышко за муху.

– Конечно, рыба сегодня пугливая, – соглашается лодочник. – Но, – добавляет он, приписывая эту пугливость другой причине, – не в цвете неба дело. Рыбу распугали эти шахтеры из Фореста. Их лодка шумит, как бристольский поезд. Интересно, что вообще привело это сброд к нам на реку. У них здесь нет никаких дел; по мне, должен быть закон против этого – как против браконьерства на рыбу.

– Ну, это было бы слишком, Джек. Шахтерам тоже нужно отдохнуть на природе, как и всем прочим. Даже больше, чем остальным, я бы сказал, учитывая, сколько времени они проводят под землей. Когда они выходят из подземных недр, вполне естественно, что им хочется немного порезвиться; вы сами выбрали себе земноводное существование и не должны винить их за это. Те, кого мы только что встретили, конечно, отдыхают. Поэтому так много выпили. В некотором смысле это извиняет их поведение. Не думаю, что их появление на воде можно назвать странным.

– Ну, судя по их лицам, вода им не очень знакома, – замечает лодочник, казалось, не очень удовлетворенный рассуждениями капитана. – А что касается отдыха, то, если не ошибаюсь, они так отдыхают круглый год. Двое из них, может быть, шахтеры – те, у кого самые грязные лица. А что касается двоих остальных, не думаю, чтобы они хоть раз в жизни брались за кайло. Я видел, как они болтаются в Лидбруке, а это очень плохое место. К тому же они были в обществе человека, который и святому создаст дурную репутацию. Это Коракл Дик. Поверьте моему слову, капитан, среди них нет ни одного честного шахтера – ни угольщика, ни добытчика железа. Конечно, они могут отдыхать, но не на нашей реке. Да и лодку, наверно, украли или мошеннически выманили.

Услышав эту речь – ее консерватизм обязан профессиональной ревности, – гусарский капитан не мог сдержать улыбку. Он уже почти забыл грубость случайных встречных, приписывая ее пьянству, и сожалеет о своей угрозе наказать их, которую, к тому же, трудно осуществить. Но теперь, обдумывая слова Уингейта, он снова начинает хмуриться. Однако ничего не говорит, сидит, держа в руке удочку, но думает не о том, как поймать лосося, а что делать, если снова встретится с этими «мошенниками».

– Слушайте! – восклицает лодочник. – Слышите крики? Я думаю, это они. Что мы с ними сделаем, капитан?

Ловец лососей готов смотреть удочку и достать из кобуры пистолет, который случайно прихватил с собой. Он не собирается стрелять в пьяниц, хочет только припугнуть их.

– Да, это они идут вниз по течению, – продолжает Уингейт. – Конечно, течение оказалось для них слишком сильным. Неудивительно, Такие бездельники думали, что смогут провести лодку по Уаю! Все равно что проедутся верхом на борове!

При этом новом доказательстве профессиональной ревности военный опять улыбается, не зная, что предпринять и нужно ли вообще предпринимать что-то. И почти сразу ему приходится действовать, хотя и не против четверых шахтеров из Фореста, а против глупого лосося, который решил поохотиться за мухой. Круги на воде и рывок свидетельствуют, что добыча на крючке, а быстрое жужжание спиннинга говорит о больших ее размерах.

Несколько минут после этого ни у него, ни у лодочника нет времени прислушиваться к крикам: они стараются удержать добычу и «выводить» ее. Леска разматывается, потом останавливается, снова начинает разматываться; его речное величество, чувствуя, как что-то решительно и болезненно препятствует его попыткам освободиться, бросается в одном направлении, потом в другом, а рыболов все время искусно играет с ним, а гребец столь же искусно удерживает лодку.

Поглощенные этими занятиями, они не слышат грубых слов вперемежку с восклицаниями, доносящихся сверху; и даже если слышат, то не обращают внимания, считая, что они исходят от той же пьяной четверки. И только когда борьба почти закончилась и уже покопивший лосось подведен к лодке – Уингейт с багром в руке склоняется над бортом, готовый подхватить рыбу, – только тогда слышат они другие звуки, которые заставляют тут же забыть о рыбе. В этот момент, когда лосось уже обессилен и готов сдаться, Райкрофт останавливает вращение спиннинга и прислушивается.

Но лишь на мгновение. Снова голоса мужчин, но теперь слышится и крик женщины, словно в опасности или отчаянии!

Необходимости в догадках нет, да они и не нужны. Почти одновременно из-за поворота показывается лодка, за ней еще одна, очевидно, преследующая, как свидетельствуют позы и жесты сидящих в обеих лодках: в преследуемой две молодые женщины, в преследующей четверо грубых мужчин, которых легко узнать. С одного взгляда гусарский офицер понял ситуацию, лодочник тоже. Этот взгляд спас жизнь лососю и, возможно, двух женщин от насилия. Райкрофт отбрасывает удочку, одновременно Уингейт откладывает багор. Он слышит громкий приказ:

– За весла, Джек! Прямо к ним! Гребите изо всех сил!

Джеку Уингейту не нужен этот приказ, не нужны и одобряющие слова. Как мужчина, он помнит недавнее оскорбление; как рыцарь, не хочет, чтобы другие подвергались таким же обидам. Неважно, что они леди; достаточно того, что оскорблениям подвергаются женщины; и более чем достаточно увидеть, кто их обидчики.

Через десять секунд он уже сидит на банке с веслами в руках, офицер – за рулем; еще через пять секунд «Мэри» развернулась и быстро понеслась вверх по реке, словно подхваченная течением. Она направляется к большой лодке, но на этот раз не избегает столкновения, а словно ищет его.

Однако преследуемое суденышко и то, что спешит ему на выручку, разделяет около двухсот ярдов. Райкрофт, взглядом измеряя расстояния, думает, что делать. Прежде всего ему приходит в голову выхватить пистолет и остановить преследователей выстрелом. Но нет: для Англии это не годится. Да ему и не нужна помощь смертоносного оружия. Конечно, на одного приходится четверо; но что с того?

– Мне кажется, мы с ними справимся, Джек, – говорит он сквозь зубы. – Я возьму на себя двоих – самых рослых и сильных.

– А я остальных двоих – они такие неуклюжие! Можете на меня рассчитывать, капитан.

– Знаю. Работайте веслами, пока я не прикажу их бросить.

– Они как будто нас еще не увидели. Наверно, слишком пьяны. Может, когда увидят нас, повернут.

– У них не будет такой возможности. Я намерен править прямо на них. Не опасайтесь результата. Если «Мэри» будет повреждена, я оплачу ремонт.

– Не думайте об этом, капитан. Я бы отдал стоимость новой лодки, чтобы наказать этот сброд, особенно того рослого смуглого парня, который говорит больше других.

– Накажешь, и очень скоро!

Райкрофт выпускает руль и освобождается от рыбацких принадлежностей, торопливо бросив их на дно лодки. А когда снова берется за руль, «Мэри» была уже в шести корпу-

сах от приближающихся лодок. Теперь эти две лодки идут почти рядом: преследователи догнали девушек. За веслами сидят только двое мужчин; остальные двое стоят: один посредине лодки, другой на носу. Оба пытаются ухватиться за борт прогулочной лодки и подтащить ее к себе. И так заняты, что не видят приближающуюся рыбацкую шлюпку; гребцы же сидят спиной и тоже ничего не видят. И только удивляются, почему «девчонки», как они продолжают их называть, ведут себя так хладнокровно. Девушки кажутся не такими испуганными, как раньше.

– Иди сюда, моя сладенькая! – кричит стоящий на носу – смуглый рослый мужчина, – обращаясь к мисс Винн. – Тебе от меня не уйти! Я должен получить свой поцелуй. Бросай весла и иди ко мне!

– Нахал! – восклицает она; глаза ее гневно сверкают. – Держи руки подальше от моей лодки! Приказываю тебе!

– Но здесь я приказываю, озорница! Давай губы! Клянусь Г... я их сам возьму!

Говоря это, он вытягивает длинную обезьянью руку и хватается за борт лодки девушки; одновременно другой рукой он хватается за Гвен за платье и тащит к себе.

Гвен Винн не закричала, не стала звать на помощь. Она знает, что помощь близка.

– Руки прочь! – слышится громовой голос одновременно с глухим ударом о большую лодку, затем следует глухой треск – лодки сталкиваются бортами. Пьяницы, повернувшись, увидели рыбацкую шлюпку, и поняли, почему она здесь. Но они слишком пьяны, чтобы отступить. Во всяком случае их предводитель намерен сопротивляться. Свирепо повернувшись к Райкрофту, он заплетающимся языком произносит:

– Ик... ик... а тебе какое дело, мистер белая шляпа? И что ты хочешь со мной сделать?

– Увидишь.

С этими словами Райкрофт перескакивает из одной лодки в другую; и прежде чем противник опомнился, крепко хватается его руками. Еще мгновение – и мошенник, словно перышко, поднимается в воздух и летит за борт.

Уингейт, тоже перескочивший в лодку углекопов, хватается второго стоявшего и грозит проделать с ним то же самое.

Рывок, дикий крик – мужчина идет ко дну, как камень. Еще один крик, когда он показывается в облаке пузырей; третий раз он кричит, еще отчаянней, чувствуя, что вторично уходит на дно.

Двое за веслами сразу словно протрезвели, и один из них кричит:

– Смилуйте! Роб утонет! Он не умеет плавать.

– Он тонет! – добавляет второй.

И правда. Потому что Роб опять показывается на поверхности, он кричит слабым голосом и одновременно слабо, но лихорадочно колотит руками по воде; видно, что он вот-вот задохнется.

Райкрофт встревожился: в своем наказании этого парня он зашел слишком далеко. Он должен его спасти!

Быстро, как мысль, сбрасывает он куртку, отталкивается от дна лодки и прыгает за борт.

Великолепный пловец, в несколько гребков он оказывается рядом с тонущим. И как раз вовремя: тот показался на поверхности в третий и, очевидно, в последний раз. Офицер одной рукой хватается за воротник и удерживает на поверхности. Однако тот еще не спасен. Теперь они оба в опасности – спаситель и тот, кого он спасает. Они далеко от лодки и попали в опасный водоворот, их начинает стремительно вертеть.

Теперь слышится крик Гвен Винн – первый ее крик; она встревожилась по-настоящему! Но не успела она повторить свой крик, как страх оставляет ее, она снова садится, увидев второго спасителя. Молодой лодочник перескакивает в свою лодку и быстро гребет

к держащимся на воде. Еще несколько гребков, и он рядом с ними; затем выпускает весла, и вскоре оба уже благополучно на борту.

Едва не утонувшего и страшно перепугавшегося Боба переносят к его товарищам и укладывают в на кусок старого брезента; Уингейт тащит его, как мешок угля. Запомнят «парни из Фореста» эту свою прогулку.

Ни слова не говоря, они уплывают; плывя вниз по течению, они оглядываются и выглядят протрезевшими и скорее обрадованными, чем огорченными.

А оставшиеся две лодки вскоре двигаются вверх, прогулочная впереди. Но теперь гребет не ее владелица: за весла берется капитан Райкрофт. В спешке и в последовавших приятных мгновениях он совершенно забыл о лососе; его совершенно не интересует ни рыба, ни удочка со всем снаряжением. Какая разница? Если он потерял хорошую добычу, зато может найти прекраснейшую женщину на Уае!

А она ничего не потеряла – ничем не рискует – даже гневом тетушки! Потому что прогулочная лодка оказывается вовремя на причале, чтобы договориться с Джозефом.

Глава седьмая

Заядлая читательница романов

Пока на реке происходят эти возбуждающие события, Ллангоррен Корт продолжает сохранять тишину, приличествующую аристократическому поместью, особенно если во главе его стоит почтенная старая дева и в доме нет детей. Именно так обстоят дела в Ллангоррене, мнимой хозяйкой которого является мисс Линтон, тетушка и законная опекушка. Но, возглавляя поместье, она напоминает разукрашенную фигуру на носу корабля, поскольку почти не занимается домашними делами, оставляя их искусной экономке, владеющей всеми ключами.

Дела кухни не по вкусу мисс Линтон; она дама хрупкого старинного типа, с приятными воспоминаниями о прошлом, восходящими к Бату и Челтхему (Известные курорты Англии с минеральными водами. – Прим. перев.); там в дни своей известности и молодости она слыла красавицей, много танцевала и флиртвала на балах времен Регентства (Период правления принца-регента, с 1811 по 1820 год. – Прим. перев.). Не в состоянии больше предаваться этим удовольствиям, она хранит о них живую и теплую память, постоянно поддерживая ее прилежным ежедневным чтением «Морнинг пост» с еженедельной восхитительной добавкой «Придворного журнала» и других изданий, содержащих сведения о высшем свете. Вдобавок она читает бесконечные романы, предпочитая те, в которых рассказывается о наиболее романтических приключениях и опытах Купидона. Писаки обоего пола поставляют этот вздор непрерывным потоком; им следовало бы воздержаться, и они это хорошо знают; но так же хорошо знают они и то, как трудно работать в рамках настоящего искусства литературы и как легко добиться успеха, перейдя границы морали и приличий.

Мисс Линтон может не опасаться, что этот грязный поток иссякнет – как не иссякнут прозрачные воды Уая. Да она и не опасается; читает, пожирая том за томом, как только они выходят из-под печатного станка и доставляются ей.

Почти весь день и многие часы ночи занимается она этим. И даже в это яркое апрельское утро, когда вся природа радуется, когда каждое живое существо стремится на свежий воздух, когда цветы протягивают лепестки навстречу поцелуям теплого весеннего солнца, Доротея Линтон сидит в темной гостиной, по уши погрузившись в трехтомный роман, все еще пахнувший типографской краской; она поглощена любовным диалогом между неким лордом Льюстрингом и сельской девушкой, дочерью одного из фермеров лорда, чью жизнь он пытается погубить и с большой вероятностью успеха. Если это ему не удастся, то не из-за недостатка пыла со стороны лорда или желания автора. Писака сделает лорда настоящим чудовищем, если это вызовет интерес к его книге или ускорит ее продажу.

И вот в тот момент, когда лорд вот-вот добьется успеха, а девушка готова сдать, мисс Линтон испытывает шок. Шок этот вызван негромким стуком в дверь ее гостиной: так стучит хорошо обученный слуга, заходя в комнату, где находится его хозяин или хозяйка.

Получив разрешение, входит слуга с серебряным подносом в руках. На подносе карточка.

Мисс Линтон сердито берет карточку и читает: «Преподобный Уильям Масгрейв».

Только подумать: ее прервали в самом интересном месте, когда решается судьба дочери фермера!

К счастью для его преподобия, одновременно с ним сообщают о появлении нового посетителя, который тоже заходит в гостиную. Он даже заходит первым: хотя Джордж Шенстон позвонил в двери вторым, после того как мистер Масгрейв вошел в прихожую; все слуги Ллангоррена знают разницу между сыном богатого баронета и бедным приходским священ-

ником и понимают, кого нужно приглашать первым. Этой точной, хотя и не очень приятной для него оценке преподобный Уильям обязан больше, чем отдает себе отчет. Она спасла его от приступа дурного настроения мисс Линтон, который при данных обстоятельствах обязательно обрушился бы на него. Сын сэра Джорджа Шенстона – любимец старой хозяйки Ллангоррена; его всегда встречают с радостью, даже посреди романтических приключений лорда Льюстринга. Молодой сельский джентльмен не имеет ничего общего со знаменитым Лотарио (Герой пьесы Н.Роу «Кающаяся красавица», бездушный соблазнитель женщин. – Прим. перев.), который обычно проживает в городах. Напротив, Джордж Шенстон откровенен и прям, он любит спорт и сельские развлечения, манеры его чуть резковатые, однако он хорошо воспитан и, что еще важнее, всегда хорошо ведет себя. Ничего странного в его раннем визите нет. Сэр Джордж – старый друг семьи Винн, он был очень близок с покойным отцом Гвен, и он и его сын привыкли появляться в Ллангоррене без всяких церемоний.

Утренний визит мистера Масгрейва тоже в порядке вещей. Хотя он всего лишь приходский священник, но отвечает за весь приход, поскольку викарий не только состарился, но и вообще отсутствует. Он так давно не появлялся в приходе, что превратился почти в миф. По этой причине его помощник имеет тысячи предлогов, чтобы появляться в Ллангоррене. Существует школа, церковный хор, сельский клуб, не говоря уже о всех соседских новостях, которые делают этого посетителя всегда желанным для мисс Линтон; так, несомненно, было бы и сегодня, если бы не злополучный лорд Льюстринг. Требуется все влияние мастера (Мастером называют старшего сына титулованного лица, наследника титула. – Прим. перев.) Шенстона, чтобы снять чары и обеспечить посетителям дружеский прием.

– Мисс Линтон, – первым начинает разговор Джордж Шенстон, – я заглянул, только чтобы спросить, не хотят ли молодые леди прогуляться верхом. День прекрасный, и я подумал, что они не станут возражать.

– Конечно, – отвечает старая дева, протягивая руку, но под предлогом легкого недомогания не вставая. – Да, несомненно, они не станут возражать.

Мастера Шенстона этот ответ удовлетворяет; но священник, который не ездит верхом и у которого нет лошади, остается недоволен. А когда Шенстон слышит продолжение, он тоже испытывает разочарование. Оба прислушиваются, надеясь услышать быстрые шаги и шорох платьев. А слышат только слова, не только разочаровывающие, но и удивляющие.

– Да, я уверена, – продолжает мисс Линтон хладнокровно, – что они рады были бы прогуляться с вами верхом...

– Но в чем тогда дело? – нетерпеливо прерывает ее Шенстон.

– Это невозможно: они уже уплыли кататься в лодке.

– Не может быть! – разочарованно восклицают оба джентльмена, а Шенстон машинально спрашивает:

– По реке?

– Конечно, – удивленно отвечает леди. – Но, Джордж, где еще они могут кататься в лодке? Ведь вы не думаете, что лодка в рыбьем садке?

– О, нет, – запинаясь, отвечает тот. – Прошу прощения. Как глупо с моей стороны задавать такой вопрос. Я только думал, почему мисс Гвен... я немного удивился... но ... может, вам покажется неуместным другой мой вопрос?

– Почему? Какой вопрос?

– Я только... а она... мисс Гвен, я хочу сказать... ничего не говорила о прогулке верхом сегодня?

– Ни слова. Я по крайней мере не слышала.

– А давно ли они... могу я узнать, мисс Линтон?

– О, несколько часов назад! Очень рано, сразу после завтрака. Сама я тогда еще не спустилась: я вам уже сказала, что плохо себя чувствую сегодня утром. Но горничная Гвен рассказала мне, что они уже ушли, и я думаю, что они пошли прямо на реку.

– Как вы думаете, они скоро вернуться? – оживленно спрашивает Шенстон.

– Надеюсь, – довольно равнодушно отвечает престарелая красавица Челтхема, потому что лорд Льюстринг никак не покидает ее мыслей. – Но знать это невозможно. Мисс Винн привыкла уходить и приходить, не спрашиваясь у меня.

Сказано это несколько резко – может, мисс Линтон вспомнила о том, что приближается конец ее законного опекуинства, и тогда она станет гораздо менее значительным персонажем в Ллангоррене.

– Но ведь они не могут отсутствовать весь день, – робко предполагает священник. Мисс Линтон ничего не отвечает, и тогда мастер Шенстон формулирует то же самое в форме вопроса.

– Они могут отсутствовать весь день, мисс Линтон?

– Думаю, нет. Вероятно, скоро проголодаются и вернуться домой. А который сейчас час? Я читала очень интересную книгу и совершенно забылась. Не может быть! – восклицает она, глядя на украшенный бронзой циферблат на каминной доске. – Без десяти час! Как летит время! Не поверила бы, что уже так поздно – почти время ланча! Вы ведь останетесь, джентльмены? А что касается девушек, то если не вернуться вовремя, останутся без ланча. Пунктуальность – закон этого дома, так у меня всегда было. Не буду ждать их ни одной минуты.

– Но, мисс Линтон, они могли уже вернуться с реки и сейчас где-нибудь на территории. Может, пойти посмотреть к причалу?

Это предлагает мастер Шенстон.

– Если хотите, пожалуйста. Буду вам признательна. Нехорошо со стороны Гвен доставлять нам столько хлопот. Она знает время ланча и должна к нему вернуться. Большое спасибо, мастер Шенстон.

Он направляется к выходу, а она вслед ему говорит:

– Вы тоже не задерживайтесь, если хотите перекусить. Мы с мистером Масгрейвом не станем вас ждать. Верно, мистер Масгрейв?

Шенстон не слушает ни этот вопрос, ни ответ. Для него в тот момент ничто обед с самим Апицием (Известный римский чревоугодник времен императора Тиберия. Промотав часть состояния, покончил самоубийством из страха, что не сможет больше угождать своему чреву. – Прим. перев.); для священника тоже; он бы с радостью пошел с Шенстоном. Не из соперничества или ревности к сыну баронета: они вращаются на разных орбитах и не опасаются столкновения. Просто ему не хочется оставаться наедине с мисс Линтон, он ее побаивается. Она, наверно, ждет от него порции ежедневных сплетен о соседях.

Но он ошибается. Именно в этот день никакие новости не нужны. Из вежливости она отложила роман, и теперь требуется все ее сила воли, чтобы не смотреть на него. Ужасно хочется узнать, что же произошло с дочерью фермера!

Глава восьмая

Подозрительный незнакомец

Пока мистер Масгрейв утомляет престарелую деву рассказом о новых алых плащах для девочек из церковного хора и о других делах прихода, Джордж Шенстон стоит на верхней ступеньке лестницы, ведущей к лодочному причалу, и настроение у него даже хуже, чем у мисс Линтон. Потому что, глядя вниз, он не видит Гвендолин – ни лодку, ни леди, и насколько ему видно, на реке никого нет. Ни звука, какой он надеялся услышать: ни плеска весел, ни еще более приятного мягкого звука женских голосов. Только монотонно кричит кукушка, сидящая на ветке поблизости, а чуть подалее пересмешник – смеется, словно издевается над ним! Смеется над его нетерпением – и над его горем! И Шенстон вслух говорит себе:

– Странно, что она оказалась на реке! Ведь она пообещала мне сегодня прогулку верхом. Очень странно! Гвен изменилась – с ней в последние три-четыре дня происходит что-то странное. Что бы это значило? Клянусь Юпитером, я ничего не понимаю!

Но это непонимание не мешает появлению на его лице темной тени. Там она и остается.

И не проходит незамеченной. Сквозь листву кустарников Джозеф видит выражение боли и истолковывает его по-своему – впрочем, недалеко от истины.

Старый слуга говорит про себя, вернее, думает:

– Мастер Джордж без ума от мисс Гвен. Все вокруг говорят об этом; считают, что и она от него; но они ее не знают. Я знаю лучше. И он совсем не уверен в себе, иначе у него на лице не было бы такого странного выражения. Конечно, это признак ревности. Не думаю, чтобы он боялся какого-нибудь соперника с реки. Ах! Да это и не нужно с такой красавицей! Он так влюблен, что ревнует к солнцу, целующему ее щеки, и к ветерку, касающемуся волос!

Джозеф уэльсец, у него предки барды, и мыслит он поэтически. Он продолжает:

– Он не знает, что тянет ее на реку, а я знаю. Да...да, моя юная леди. Ты считаешь себя очень умной, оставив старого Джо на берегу, приказав ему спрятаться и подкупая его! Думаешь, я не заметил, какие взгляды ты бросала на этого ловца лососей? Взгляды украдкой, но горячие, как огонь. И думаешь, я не видел, как мистер Белая Шляпа проплыл сегодня ниже по течению раньше вас? О, нет, я ничего этого не заметил! Зачем это мне? Для Джо это ничего не значит, ха-ха!

Сдерживая смех, он снова смотрит на нетерпеливо ожидающего Шенстона и продолжает свои размышления, хотя и в новом направлении.

– Бедный молодой джентльмен! Конечно, мне его жаль. Он хороший человек и всем нравится. Ей тоже, но не так, как ему хочется. Ну, такое всегда бывает: никогда не видел, чтобы все проходило гладко. Я бы помог ему, если бы мог, но это не в моих силах. Говорят, помощь в таких случаях приходит только оттуда, где заключаются браки, – с самого неба. Ха, да он повеселел! Что его так подбодрило? Лодка возвращается? Мне отсюда не видно, но я не слышу весел!

Перемена настроения Джорджа Шенстона, которую подметил старик, вызвана не возвращением прогулочной лодки. Просто пришедшее в голову воспоминание на время его успокоило.

– Какой я глупец! – виновато произносит про себя Шенстон. – Теперь я вспомнил: мы ведь не условились о времени прогулки, и она, вероятно, решила, что это будет во второй половине дня. В последний раз мы как раз тогда ездили верхом. Клянусь Юпитером, да! Все в порядке. Она скоро вернется.

Рассуждая так, он продолжает прислушиваться. И еще больше успокаивается, когда слышит глухой звук, регулярно повторяющийся, – это работают весла в уключинах. Если

бы он лучше был знаком с греблей, то понял бы, что работают две пары весел, и решил, что это странно: ведь на «Гвендолин» только одна пара. Но он не настолько опытен – скорее напротив, водный спорт ему никогда не нравился, и он предпочитает проводить время на охоте. Его любимое сидение – седло лошади, а не лодочная банка. И только когда лодки выходят на спокойную воду, он наконец догадывается, что весел две пары, и одновременно видит, как к маленькой бухточке приближаются две лодки вместо одной!

Шенстон смотрит только на первую лодку, и удивление в его глазах сменяется изумлением, а затем и чем-то похожим на неудовольствие. Лодку он узнает с первого взгляда – это «Гвендолин», узнает и двух женщин на корме. Но на средней банке сидит мужчина; он работает веслами.

– Какого дьявола! Кто это такой?

Так ставит вопрос Джордж Шенстон. Но не старый Джо. Не семейный Харон, который спокойно сидит в кустах. Да он больше не сидит. Джо торопливо минует мастера Шенстона и направляется вниз, к причалу!

– Что это значит, Джо? – удивленно спрашивает молодой человек.

– Значит что, сэр? – отвечает старый лодочник с совершенно невинным видом. – Что-нибудь не так?

– О, ничего, – запинаясь, отвечает Шенстон. – Я только думал, что ты с молодыми леди. Почему ты не поехал с ними?

– Ну, сэр, мисс Гвен не захотела. День хороший, на реке нет наводнения, и она сказала, что будет грести сама.

– Это все не зря, – говорит себе Шенстон, а Джозеф тем временем проходит мимо него и начинает спускаться. А Шенстон повторяет: – Какого дьявола! Кто это такой? – Он имеет в виду гребца в лодке.

Но вот лодка в бухточке, кормой она касается причала; и когда леди выходят из нее, Джордж Шенстон слышит диалог, который не успокаивает его встревоженную душу, а напротив – еще сильнее ее возбуждает, приводит почти в безумие. Мисс Винн говорит:

– Вы зайдете в дом и позволите представить вас моей тетушке?

Она обращается к джентльмену, который греб в лодке и который сразу оставил весла, как только старый слуга взялся за фалинь.

– Благодарю вас! – отвечает он. – Я бы с удовольствием; но, как видите, у меня не совсем подходящая для этого внешность – она не подходит для гостини. Поэтому прошу меня сегодня простить.

Промокшая рубашка, капающая с одежды вода объясняют его извинение, но ничего не говорят стоящему наверху лестницы; прислушиваясь дальше, он слышит новые речи, которые удивляют, но не смягчают бушующую в его душе бурю. Оставаясь невидимым – потому что он зашел за дерево, недавно скрывавшее Джозефа, – он видит, как протягивает руку в прощальном приветствии Гвен Винн, слышит, как она благодарит незнакомца, благодарит тепло, словно она у него в большом долгу.

Затем незнакомец перешагивает из прогулочной лодки во вторую, и лодочник начинает грести; леди тем временем поднимаются по лестнице; Гвен останавливается почти на каждом шагу и поворачивается к рыбацкой лодке, пока та не заходит за островок и ее нельзя больше увидеть.

Все это наблюдает Джордж Шенстон и делает выводы, от которых кровь застывает у него в жилах. Хотя мокрая одежда джентльмена его по-прежнему удивляет, его присутствие как будто объясняет странности недавнего поведения Гвен, дает неожиданную и болезненную разгадку. И Шенстон недалек от истины в своих догадках.

Только когда девушки поднимаются на верхнюю площадку лестницы, они узнают о его присутствии; но до этого Гвен делает замечание, которое, к сожалению для себя, Шенстон тоже слышит.

– Ну, мы не опоздали на ланч, и тетушке совсем не обязательно знать, что нас задержало – по крайней мере не сейчас. Правда, если бы такое случилось с ней самой, скажем, тридцать или сорок лет назад, она хотела бы, чтобы об этом узнал весь мир, особенно его часть, именуемая Челтхем. Дорогая старушка! Ха-ха! – И, немного посмеявшись, продолжала: – Но, говоря серьезно, Нелл, я не хочу, чтобы кто-нибудь знал о нашей маленькой эскападе – и меньше всего некий молодой джентльмен, чья фамилия начинается с Ш, а имя – с Д.

– Эти инициалы соответствуют моим, – говорит Джордж Шенстон, выходя вперед и останавливаясь перед нею. – Если ваше замечание касается меня, мисс Винн, я могу только выразить сожаление, что мне не повезло и я случайно услышал ваши слова.

При его неожиданном появлении Гвен вздрагивает, чувствуя себя виноватой. Однако тут же, вспомнив, откуда он вышел и что сказал, она чувствует негодование и возмущенно отвечает:

– Ах, вы нас подслушивали, мастер Шенстон! Говорите, вам не повезло! Повезло или нет, думаю, это не просто случайность! Когда джентльмен сознательно прячется за густым кустом, например, за лавром, и стоит прислушиваясь... сознательно...

Неожиданно она прерывает свою речь и стоит молча – видит, какой эффект произвели ее слова. Сын баронета стоит со склоненной головой, и на лице его не гнев, а печаль. Девушка вспоминает прежнюю нежность и восклицает:

– Послушайте, Джордж! Мы с вами не должны ссориться! То, что вы видели и слышали, скоро объяснится. У нас с мисс Лиз было небольшое приключение; и, если вы пообещаете никому не говорить, мы вам все расскажем.

После такого обращения он с готовностью дает обещание – не только с готовностью, но с радостью. Ему такая доверенность кажется многообещающей. Но ожидая немедленного объяснения, он испытывает разочарование. Вместо объяснения Шенстон слышит:

– Вы забываете, что мы четыре часа провели на реке и голодны, как пара зимородкой – коршунов, сказали бы вы, так как разбираетесь в дичи. Но забудем о сравнениях. Пошли на ланч, пока еще не поздно.

Она торопливо направляется к дому, компаньонка следует за ней. Шенстону ничего не остается, как идти за ними обеими.

И хотя все голодны, у Шенстона совершенно нет аппетита. Умасливания Гвен не успокоили его душу и не изгнали мысли о мужчине с бронзовой кожей, темными усами и белым шлемом.

Глава девятая

Уже ревность

Капитан Райкрофт потерял не только удочку и леску, потерял он и сердце – оно перешло к Гвендолин Винн. Теперь он знает имя золотоволосой наяды – и его и другие сведения она сама сообщила ему во время возвращения по реке.

Ни эта доверенность, ни разговор, который привел к ней, не изменили благоприятного впечатления, произведенного внешностью девушки. Напротив, усилили его, и впервые в своей жизни он подумал от отказе от холостяцкой жизни. Капитану кажется, что судьба его решена – она больше не в его руках, а в ее.

Уингейт гребет, а капитан достает коробку сигар, закуривает свежую сигару и, пока дым вьется над его тропическим шлемом, вспоминает все случившееся за день – в том порядке, в каком все произошло.

Странное совпадение обстоятельств подействовало в его пользу. Само Небо помогло ему, хотя и действовало с помощью самых грубых инструментов. Благодаря отбросам человечества он познакомился с прекраснейшей из женщин. И не просто познакомился, как он надеется: ведь ее теплые слова и совсем не холодные взгляды свидетельствуют не просто о благодарности! Если это так, то оказанная на Уае маленькая услуга будет еще долго приносить ему пользу. Думая так, он очень скромно оценивает свое поведение, считает, что сделал совсем немного. Как далека эта его оценка от оценки, данной Гвен Винн!

Но он этого не знает или во всяком случае не может быть уверен. Если бы знал, мысли его были бы розовыми, но сейчас этого нет. Некоторые темны, как тень от апрельского дождя, временами проходящая по солнечному диску.

То, о чем сейчас думает капитан, не связано с небесной твердью, это не воображение, а нечто осязаемое и видимое, имеющее форму и очертания, – это фигура мужчины на верхней площадке лестницы. Площадка не настолько далеко, чтобы капитан не увидел лица этого мужчины и не заметил бы, что он молод и красив. И взгляд любви уже приобрел остроту ревности. Очевидно, этот джентльмен близко знаком с мисс Винн. Странно, но его взгляд, который он устремлял на девушку, говорил о том, что джентльмен чем-то недоволен. Что бы это могло быть? И, огибая островок, капитан Райкрофт формулирует вопрос именно в таких выражениях, в каких сам был его объектом:

– Какого дьявола! А он кто такой?

Продолжая курить на реке свою «регалию», он продолжает:

– Кажется, они хорошо знакомы. Но это не брат! Она сказала, что у нее нет братьев. Он живет в Ллангоррене? Нет. Она сказала, что у нее нет родственников-мужчин, только старая тетка и эта смуглая девушка, которая ей то ли кузина, то ли еще какая-то дальняя родственница. Но кто тогда этот джентльмен? Может, двоюродный брат?

Размышляя над этим вопросом и не в силах ответить на него, он наконец обращается к лодочнику и говорит:

– Джек, вы заметили джентльмена на верху лестницы?

– Только голову и плечи, капитан.

– Голову и плечи? Этого достаточно. Вы случайно его не знаете?

– Не уверен. Мне кажется, это мастер Шенстон.

– А кто такой мастер Шенстон?

– Сын сэра Джорджа.

– Сэра Джорджа! А о *нем* вы что знаете?

– Не очень много. Это богатый джентльмен, чьи земли расположены вдоль реки на две или три мили ниже.

Информация скудная и никакого удовлетворения не приносит. Капитан Райкрофт слышал о богатом баронете, чьи владения примыкают к Ллангоррену и чей титул вместе с поместьем перейдет к единственному сыну. Именно этого сына он и видел на верху утеса из красного песчаника. По правде сказать, соперник грозный! Так думает капитан и курит, как сумасшедший.

Немного погодя он замечает:

– Вы сказали, что не знаете этих леди, которым мы помогли в их маленькой неприятности?

– Не знаю лично, капитан. Но теперь, увидев, где они живут, я знаю, кто они такие. Я слышал разговоры о той из них, что крупнее, – много разговоров.

«О той, что крупнее!»! Словно о лососе! В глазах лодочника размер, очевидно, лучшая рекомендация!

Райкрофт улыбается и продолжает расспрашивать.

– А что вы о ней слышали?

– «Аккуратная» леди! Владеет всеми полевыми забавами, такими, как охота и прочее. Но могу сказать, что до этого дня я сам ее никогда не видел.

Гусарский офицер достаточно прожил в Херефордшире, чтобы знать местное значение слова «аккуратная» – достойного поведения. То, что мисс Винн любит спортивные развлечения на свежем воздухе, включая греблю на реке, капитан узнал в пути от нее самой.

Одно обстоятельство показалось ему странным – что лодочник не знаком со всеми жителями речного берега по крайней мере на десять миль вверх и вниз по течению. Он спрашивает объяснения.

– Почему, Джек, вы, живя чуть выше по течению, ничего не знаете об этих людях?

Он не знает, что хотя Уингейт родился на берегах Уая – лодочник сам сказал ему об этом, – в среднем течении реки он почти чужак, потому что родина его в графстве Брекнокшир. Но все же это не ответ на загадку, и молодой лодочник говорит так:

– Господи милостивый, сэр! Это показывает, как мало вы понимаете реку. Капитан, она изгибается и изгибается, и поэтому люди, живущие друг от друга в миле, знают друг о друге не больше, чем если бы жили в десяти милях. Это потому что мостов очень мало и они далеко друг от друга. Есть лодки перевозчиков, это правда; но жители пользуются ими не часто, особенно женщины. На реке всегда опасно, и особенно в паводок. А паводки случаются и летом и зимой.

Объяснение разумное; удовлетворенный им, Райкрофт погружается в размышления. Его отрывает от них вид дома, очень странного древнего сооружения, полубревенчатого, полукаменного, стоящего не на самом берегу, а в глубине небольшой долины. Вид этого дома не нов для капитана; он и раньше обращал на него внимание, пораженный его внешностью, такой отличной от обычного жилища.

– Чей это дом, Джек? – спрашивает он.

– Принадлежит человеку, по имени Мердок.

– Странный дом!

– Не больше, чем его хозяин, если хотя бы половина того, что о нем рассказывают, правда.

– Ага! Значит, этот Мердок необычный тип?

– Очень необычный.

– В каком отношении?

– Не в одном – во многих.

– Уточните, Джек.

– Ну, во-первых, он редко бывает трезв.
– Приверженец алкоголя.
– Приверженец смертельного пьянства. Много раз видел его в таком состоянии.
– Неразумно со стороны мистера Мердока.
– Конечно, капитан: неразумно и нехорошо. Особенно учитывая место, где он обычно пьет.

– А что это за место?
– «Уэльская арфа». У переправы Мошенников.
– Переправа Мошенников? Странное название. Что это за место? Не очень хорошее, я бы сказал, если соответствует своему названию.

– Полностью соответствует, хотя не всегда так было. Переправа названа по имени человека. Его звали Раг (Имя этого человека – Rugg и английское слово rogue «мошенник, жулик, негодяй» совпадают в произношении. – Прим. перев.), и он владел «Уэльской арфой» и переправой. Это в двух милях выше по течению и немного в стороне. Кроме таверны, там несколько разбросанных домов, церковь и магазин, на дороге. И в этом магазине не только продают, но и принимают – и не прочь принять краденое, особенно если дорогое. Там много краденого. Это любимое место браконьеров и людей похуже; многие долгие годы провели в тюрьмах.

– Уингейт, вы меня поражаете! Я считал, что ваш Уай – нечто вроде Аркадии, где живут только невинные и простые люди.

– Таких на переправе Мошенников не встретите. Если где на земле опасные люди, так там. Те парни из Фореста, которых мы встретили, им в подметки не годятся. Они просто напились и потому так себя вели – некоторые из них. Но пьяные или нет, люди на переправе Мошенников хуже. Они даже опасней, когда трезвые.

– Что за место для церкви! А она не в состоянии их исправить?

– Должна бы, если бы была правильная церковь. Но эта их только больше развращает. Это римская церковь.

– А, католическая. Но как она их развращает?

– Заставляет их поверить, что они очистились от греха, даже самого черного. Люди готовы пуститься на любое преступление, особенно если раздобудут деньги, чтобы купить то, что они называют «отпущением грехов».

– Ну, Джек, очевидно, вы не друг и не последователь папистов.

– Ни папы, ни его священника. Ах, капитан, если бы увидели этого священника из церкви на переправе Мошенников, вы бы не удивились тому, что я их всех не люблю.

– А что в нем особенно отталкивающего?

– Не знаю, есть ли в нем что-нибудь особенное. Все эти священники кажутся мне одинаковыми: если видел одного, значит видел всех. Они похожи на горностаев или ласок, которые шмыгают от норы к норе. А тот, о котором мы говорим, он словно сразу повсюду: бродит по дорогам и тропам, прячется за кустами, как кошка, выслеживающая птиц, и появляется там, где его никто не ожидает. Вряд ли существует более злобный соглядатай, чем этот, из церкви у переправы Мошенников.

– Нет, – поправился он, – есть в наших краях человек и похуже. Правда, совсем другой. Говорят, они, однако, отлично ладят.

– А кто этот другой?

– Дик Демпси, больше известный как Коракл Дик.

– А, Коракл Дик! Похоже, он занимает большое место в ваших мыслях, Джек; и не очень вы его высоко цените. Почему, могу ли я спросить? Что это за человек?

– Худший негодяй, какой когда-либо жил на Уае от истоков на Плинлиммоне до впадения в Бристольский канал. Говорят о браконьерах и ночных охотниках. Он по ночам охотится не только за лососем. И не только рыба попадает в его сети, это я знаю.

Молодой лодочник так враждебно говорит о священнике и браконьере, что Райкрофт начинает подозревать существование какого-то другого мотива, помимо обычной предубежденности против человека, который носит священническое облачение или охотится за чужой дичью. Но не желая сейчас об этом расспрашивать, он возвращается к первоначальной теме, говоря:

– Мы отклонились от темы, Джек. Что же с пьяницей из того дома?

– Он как будто самый значительный друг священника в наших краях; хотя говорят, не столько он, сколько его миссис.

– Значит этот Мердок женат?

– Я бы не стал этого утверждать, во всяком случае не поклялся бы. Знаю только, что с ним живет женщина и ее считают его женой. Очень она странная.

– Почему?

– Не похожа на других женщин.

– Объяснитесь, Джек. Чем же миссис Мердок отличается от прекрасной половины человечества в Херефордшире?

– Ну, капитан, прежде всего она совсем не прекрасна. Напротив, очень смуглая; почти такая же, как женщины, которых я видел в Челтхеме. Их привозят офицеры из Индии, и они нянчат детей. Но она не одна из них, а француженка, как я слышал; я думаю, это отчасти объясняет ее дружбу со священником, потому что он тоже француз.

– А, так его преподобие француз?

– Да, капитан. Англичанин не может быть такой презренной ищейкой, как он. А что касается миссис Мердок, ничего не могу сказать: я ее видел только два раза в жизни. Она держится у своего дома, никуда не ходит! И никто не приходит ни к нему, ни к ней – никто из джентльменов. Хотя мистер Мердок принадлежит к самым родовитым.

– Значит он джентльмен?

– Должен был бы быть, если бы вышел в отца.

– Почему?

– Потому что отец у него был сквайр, обычный сквайр, как в старину. Он не так давно умер. Я его помню, хотя живу здесь недавно. И старую леди тоже помню, мать мистера Мердока. Ах, теперь, подумав об этом, я вспоминаю: она была сестрой другого сквайра, отца той высокой девушки, с рыжими волосами.

– Что? Мисс Винн?

– Да, капитан: той, которую зовут Гвен.

Райкрофт больше не расспрашивает. Он узнал достаточно, чтобы получить пищу для размышлений – и не только на остаток этого дня, но на неделю и на месяц, а может, на всю оставшуюся жизнь.

Глава десятая Гнездо кукушки

Примерно в миле от Ллангоррен Корты, но на другом берегу Уая, стоит дом, который привлек внимание капитана Райкрофта; соседям он известен под названием Глингог – на уэльском языке это означает «гнездо кукушки». Он стоит не на самом берегу, а в нескольких сотнях ярдов от воды, вблизи начала большой боковой долины, отходящей от речной; по дну этой второй, меньшей долины протекает ручеек.

Глингог Хауз – одно из тех сооружений, которые часто встречаются в округе Херефорд, как и в других западных графствах; такие дома удивляют приезжих: по внешности нельзя сказать, дом ли это джентльмена или просто сельская ферма. Это происходит из-за множества стен, окружающих двор, парк, даже фруктовый сад; стены из красного песчаника; он встречается здесь в изобилии, и его легко обрабатывать для строительства.

Но в Глингог Хаузе, помимо стен, есть еще что-то придающее этому дому величие – какое-то подобие архитектурного стиля, говорящее о елизаветинском периоде, том самом, который именуется тюдор. Стены самого дома не полностью из камня; множество дубовых стоек, подпорок, колонн и скоб почернело от времени; вместе с белыми стенами они придают сооружению странную, почти фантастическую внешность; это впечатление усиливается неровными крутыми крышами, выступающими мансардами, острыми коньками, узкими окнами и резьбой на внешних углах здания. На Уае можно еще встретить много таких древних строений; об их возрасте свидетельствует сам строительный материал того времени, когда кирпичи стоили дорого, а дерево было у всякого под рукой.

В этом доме окружающие стены сооружены позже, так же как ворота со столбами, ведущие во двор и к подъездной дороге. Много сверкающих экипажей, должно быть, когда-то проезжало по этой дороге, потому что когда-то Глингог был господским домом в поместье. Сейчас все это в прошлом, о чем говорит отсутствие ремонта, разбитые окна и окружающие стены, которые держатся как будто только благодаря обвивающему их плющу; все заросло кустами; прогулочные тропинки и подъездная дорога покрыты густой травой; на дороге ни одного следа от колес или от копыт лошади.

Однако дом обитаем. Три или четыре окна кажутся целыми; они закрыты ставнями; иногда из двух труб дома виден поднимающийся дым.

Мало кто приближается к этому месту, чтобы заметить его особенности. Путнику издали видны только каминные трубы: сельская дорога, огибая глубокую долину, проходит вдалеке от дома. К самому дому можно пройти только по узкой длинной тропе, больше никуда не ведущей и такой крутой, что пройти по ней может только пешеход; впрочем, и пешеходу пришлось бы удовлетвориться видом густых зарослей колючей ежевики и боярышника.

Тем не менее, несмотря на все эти недостатки, Глингог может похвастать и одним достоинством: от него открывается вид, который невозможно ни с чем сравнить в западных графствах Англии. Человек, выбравший это место для дома, обладал скорее эстетическим вкусом, чем стремлением к удобствам. Потому что прилегающая к дому земля – всего около шестидесяти акров – почти не поддается обработке: она вся расположена на довольно крутых склонах долины. Однако вид отсюда превосходный. Внизу извивается по лесистой равнине Уай, словно огромный серебряный удав; его извивы только местами виднеются сквозь деревья, напоминая цепь озер; минуя Поляну Кукушки, река устремляется прямо к Ллангоррен Корту.

Глаз человека никогда не видел более прекрасной местности, сознание не могло представить себе, что существует нечто более интересное в жизни. Мирные дымы поднимаются

из далеких труб; фермы с окружающими стенами выделяются на фоне зелени старых деревьев – теперь все эти деревья покрыты листвой, потому что идет июнь; тут и там острая колокольня церкви или нарядный фасад поместья джентльмена; на далеком фоне темно-синие горы Монмутшира; среди них наиболее заметны Блоренж, Скеррид и Сахарная Голова. Человек, который смотрит на эту красоту и не испытывает вдохновения или радости, должно быть, не от нашего мира или устал от него.

Но именно такой человек сейчас смотрит из Глингог Хауза, вернее, из окружающих дом зарослей. Человек сидит на простой старинной скамье, такой маленькой, что, кроме человека, на ней умещается только покрытый черным лаком поднос, а на нем стакан, бренди и вода; в стакане смесь бренди с водой. Человек курит пенковую трубку, которую время от времени вынимает изо рта, чтобы сделать глоток.

Внешность человека странно соответствует скамье, на которой он сидит, окружающим стенам и дому позади. Как и все это, он выглядит полуразрушенным. В починке нуждается не только его одежда, но и весь организм, что видно по впалым щекам и запавшим глазам со множеством морщинок вокруг. Все это, в отличие от окружающего, объясняется не возрастом, потому что человеку все еще нет сорока. Причина и не в естественной болезни, которую унаследовало его тело, но очевидно в пьянстве. О причине свидетельствуют красные пятна на носу и на лбу и стакан в дрожащей руке. Так оно и есть.

Льюин Мердок – так зовут человека – жил разгульной жизнью. Не в Англии и тем более не в Херефордшире; только его ранние годы прошли в отцовском доме. С детства он жил за границей; никто не мог сказать, где он и куда направится дальше. Однако его часто видели в Бадене, в Хомбурге и в других значных местах. Жил он там роскошно или бедно, в зависимости от удачи. А его поздний период в Париже, во время императорского режима, был хуже всего. Здесь он лишился всего и вынужден был вернуться домой и найти убежище в Глингоге, некогда очень красивом поместье, а теперь всего лишь пристанище; но и в нем он смог поселиться только с петлей заклада на шее. Потому что даже тот клочок земли, на котором он живет, отдан в аренду фермеру, и арендная плата идет не Льюину Мердоку. В сущности он только жилец в поместье своих предков; ему принадлежит только сам дом, двор и один-два акра сада, о котором он не проявляет ни малейшей заботы. Овцы фермера свободно гуляют вокруг и объедают увивающий стены плющ: дайте Льюину Мердоку его трубку, достаточно бренди с водой, и он будет только смеяться. Не в том дело, что у него веселый характер и он любит повеселиться: нужно нечто большее, чем пастбище и старый сад, чтобы привести его в возбуждение и заставить испытать алчность.

На это способна земля – только она. И не маленький участок, а акры, даже мили, земли Ллангоррена.

Сейчас эта земля у него перед глазами, как расстеленная карта. На противоположном берегу реки она составляет самую существенную часть ландшафта; в центре ее стоит большое, со множеством окон, имение, окруженное стройными деревьями; ухоженные газоны и зеленые пастбища; чуть дальше – Гранж, старинная ферма, а еще дальше другие фермы. Все они как будто принадлежат одному человеку. Так оно и есть. Прекрасная картина; она открывается взгляду Льюина Мердка, когда он смотрит из своего окна или выходит на крыльцо дома. И чем ярче освещает эту красоту солнце, тем мрачней становится лицо Мердока.

В этом нет никакой загадки. Ллангоррен когда-то принадлежал его деду, а сейчас принадлежит – вернее, скоро будет принадлежать – его двоюродной сестре Гвендолин Винн. Не будь ее, все это стало бы его собственностью. Между ним и Ллангорреном пролегает Уай, широкая и глубокая река. Но что его ширина и глубина по сравнению с тем, что на самом деле разделяет их? Преграда, более прочная и непреодолимая, чем река; однако она кажется тонкой, как нить. Но это *нить жизни*. Если она порвется или будет прервана сознательно,

Льюину Мердоку нужно только пересечь реку, объявить себя владельцем Ллангоррена и вступить во владение.

Он не был бы человеком, если бы не думал об этом. А поскольку он человек, то думает об этом часто. И испытывает при этом не только алчность. Ему рассказали о том, как несправедливо было распределено наследство: его мать, вышедшая замуж за Мердока из Глингога, получила кроху; а все остальное перешло к ее брату, отцу Гвен Винн. И все дело в завещании, потому что поместье можно было наследовать без всяких ограничений. И вот в завещании содержался пункт, по которому поместье переходит к Мердокам, если у законных наследников не окажется потомков. А единственным законным наследником теперь является героиня нашего рассказа.

– Только она – но ведь она есть, – негромко, с горечью произносит Мердок и, словно стараясь заглушить эту горечь, достает изо рта трубку и отпивает из стакана.

Глава одиннадцатая Сорняк на берегу Уая

– Только она – но ведь она есть! – повторяет Льюин Мердок, схватив бутылку и наливая бренди в стакан.

Он говорит негромко и думает, что его никто не слышит. Однако его слышит женщина, вышедшая из дома и неслышно подошедшая к нему сзади.

Странно видеть такую внешность на берегу Уая; женщина совершенно не похожа на местных жительниц; она скорее родилась на берегах Сены и выросла на парижских бульварах – от прически до туфель на высоких каблуках, на которых она сейчас слегка раскачивается. На фоне старинного английского дома она кажется совершенно неуместной, словно уличный разносчик, который тащит свою тележку среди пирамид и закуривает дешевую сигару возле сфинкса.

Но в ее присутствии здесь нет ничего загадочного или странного. Она жена Льюина Мердока. Если он оставил состояние и лучшую часть своей жизни в чужих землях, то привез оттуда ее, свою «лучшую половину».

Физически это привлекательная женщина, несмотря на некоторый урон, причиненный ее внешности возрастом и, возможно, преступлениями. Высокая и смуглая, как все дочери латинской расы, с красивым в прошлом лицом – оно все еще способно привлечь тех, кого не отталкивает обманчивая внешность порока. Такой предстала она перед Мердоком – вначале в кафешантане Тюильри, затем много раз в садах, лесочках, на балах полусвета, пока наконец не отдала ему руку в английской церкви святой Магдалены.

Занятый своим бренди, глядя опять на Ллангоррен, он еще не увидел ее; и не подозревает о ее присутствии, пока не слышит восклицание:

– Eh, bien? (Ну, так как? Фр. – Прим. перев.).

Вздвигнув, он поворачивается.

– Вы слишком громко рассуждаете, мсье, – если, конечно, хотите оставить свои мысли при себе. Наверно, вы так и хотите – ведь это любовная тайна! Можно ли спросить, кто эта она, кого вы сейчас упомянули? Наверно, одна из ваших добрых английских подружек?

Все это произносится с нарочито ревнивым видом; однако никакой ревности женщина не испытывает. В сердце бывшей кокотки нет места подобным глупостям.

– Никакого отношения к подружкам, старым и молодым, – хрипло отвечает Мердок. – У меня есть о чем подумать, кроме подружек. С меня хватает мыслей о том, как содержать жену – вас, мадам.

– Вы не меня имели в виду. Нет, не меня. Какую-то другую, к которой проявляете повышенный интерес.

– Тут вы правы: я думал о другой.

– Merci, Monsieur! Ma foi! (Спасибо, мсье! Ей-богу! Фр. – Прим. перев.) Ваша откровенность заслуживает благодарности. Может, продолжите в том же духе и назовете имя леди? Конечно, это леди. Знатный сеньор Льюин Мердок не может думать не о леди.

Непонимание деланое. Она знает или догадывается, о ком он думал: наблюдала за ним из окна и заметила направление его взглядов. И не сомневается в его мыслях. Она знает, что не только река отделяет его от Ллангоррена.

– Так как же ее зовут? – снова спрашивает она требовательно, не отрывая от него взгляда.

Уклоняясь от этого взгляда, он тем не менее достает трубку изо рта, однако не отвечает.

– Значит, любовная тайна? Я так и думала. Как это жестоко, Льюин! Так вот ваш ответ, на то, что я вам дала! Я вам отдала все!

Говорит она, впрочем, не очень уверенно, потому что жертва была очень ограниченной. Отдала она только свою руку – руку, которую нежно пожимали десятки, нет, сотни мужчин, прошедших до него. Однако с ее стороны не было никакого обмана. Он все это знал или должен был знать. Да и как могло быть иначе? Олимпия, красавица сада Мабиль, была хорошо известна в Париже – особенно в дни своей славы при Наполеоне Малом.

Укор ее тоже сделанный, хотя, возможно, какую-то досаду она ощущает. Ее притягивает жизнь, которую можно назвать *passee* (Прошрое. Фр. – Прим. перев.), и она начинает это сознавать. Вероятно, он чувствует то же самое. Впрочем, его мнение ее не интересует – за исключением одного аспекта и по причинам, не зависящим от ее надуманной ревности. У нее есть цель, к которой она стремится и ради которой должна удерживать над ним власть, которой когда-то обладала. И она хорошо знает, как это сделать, разжигая огонь любви, когда он затухает, прибегая к его чувству жалости или разжигая его ревность, что она отлично умеет делать с помощью своих французских способностей и темных горящих глаз.

Он смотрит сейчас в эти глаза, и в нем вспыхивает прежнее пламя, он снова чувствует себя ее рабом, как и тогда, когда стал ее мужем.

Но ничего этого он не показывает. Сегодня он наедине с самим собой, он замкнулся и от нее, и от всего мира. Поэтому, вместо того чтобы ответить взаимностью на ее ложную нежность – он словно чувствует, что она ложная, – Льюин Мердок делает еще один глоток бренди и молча продолжает курить.

Теперь, на самом деле придя в ярость или разыгрывая ее, она восклицает:

– *Perfide!* (Вероломный. Фр. – Прим. перев.) – Она презрительно кивает головой, как умеют только дамы парижского полусвета. – Храните свою тайну! Какое мне дело? – Потом, сменив тон: – *Mon Dieu!* (Боже мой, фр. – Прим. перев.) Франция, дорогая Франция! Зачем я тебя оставила?

– Потому что ваша дорогая Франция стала действительно слишком дорогой для жизни.

– Какая двусмысленность! Вам она, наверно, кажется остроумной! Дорогая она или нет, но лучше чердак там, комната на самой жалкой антресоли, чем это. Я лучше буду слушать в табачной лавке, держать *gargot* (Харчевня, фр. – Прим. перев.) на Монмартре, чем вести такую *triste* (Грустный, печальный, фр. – Прим. перев.) жизнь, какая у нас сейчас. Жить в конуре, которая грозит обрушиться нам на голову!

– А как бы вам понравилось жить вон там?

Он кивком указывает на Ллангоррен Корт.

– Вы развлекаетесь, мсье. Но ваши шутки неуместны – учитывая нашу нищету.

– Возможно, когда-нибудь вы там будете жить, – говорит Мердок, не обращая внимания на ее замечание.

– Да. Когда небо упадет, мы сможем поймать жаворонка. Вы, кажется, забыли, что мадмуазель Винн молода и по естественному закону природы переживет нас обоих. Если только не сломает шею на охоте, не утонет в реке или не встретится с *каким-нибудь другим несчастным случаем*.

Последние слова она произносит медленно и подчеркнуто, А потом молчит и значительно смотрит ему в лицо, словно проверяя их воздействие.

Достав трубку изо рта, он отвечает на ее взгляд – и тут же, вздрогнув, отводит свой, В ее глазах он прочел то, что можно было увидеть в глазах Мессалины или убийцы Дункана (Жена Макбета, героиня трагедии Шекспира. – Прим. перев.). Совесть его, закаленная долгим путем грешника, кажется слишком нежной по сравнению с совестью этой женщины. И он это знает, знает ее прошлое, ее характер и понимает, что она способна на все, даже на преступление, на которое сейчас намекает. Это не больше и не меньше, как...

Он не смеет доводить эту мысль до конца, тем более выразить ее в словах. Он еще не готов к этому; хотя день за днем все больше привыкает к ней – страшный замысел, все еще смутный, но ему немного нужно, чтобы принять форму и искушать исполнить его. Мердок знает, что искуситель с ним рядом. Не в первый раз слышит он подобные речи из этих прекрасных уст.

Однако сегодня он скорее склонен избегать мыслей на эту серьезную, но деликатную тему. Часть предыдущей ночи он провел в «Уэльской арфе» – харчевне, о которой говорил Уингейт, – и еще не пришел в себя после попойки. Поэтому, не спрашивая, что она имеет в виду под «другими несчастными случаями», Мердок с деланным равнодушием отвечает:

– Вы правы, Олимпия. Если только что-нибудь подобное не случится, нам нужно жить и терпеливо ждать.

– И умирать с голоду, вы забыли добавить.

Она произносит это презрительным тоном, пожав плечами, словно укоряя его за слабость.

– Ну, *cherie* (Дорогая, фр. – Прим. перев.), – отвечает он, – по крайней мере мы можем наслаждаться видом того места, где нас ожидает богатство. Прекрасный вид, не правда ли?

Он снова смотрит на Ллангоррен, она тоже. Некоторое время оба молчат.

Ллангоррен Корт всегда прекрасен, но особенно в это летнее утро. Потому что солнце освещает не только зеленый газон, но и воздвигнутый на нем белый шатер, на крыше которого виден столб с сигнальным флагом. Льюин Мердок и его жена не приняты в обществе и потому не знают точно, что происходит на другом берегу. Но судя по внешним признакам, они догадываются, что там устраивается большой прием на свежем воздухе. Такие развлечения там бывают часто. У них на глазах проясняется вид развлечения. Появляются люди, они группами стоят возле павильона. Ярко одетые женщины – на удалении они кажутся пестрыми бабочками; некоторые одеты а ля Диана, с луками в руках и с колчанами на боку; оперенные стрелы торчат у них над плечом. Присутствует и соответствующее число джентльменов-оруженосцев. Слуги в ливреях устанавливают цели.

Самого Мердока такие вещи мало интересуют. Он испытал все прелести модной жизни – испил не только ее сладость, но и горечь осадков на дне. И Ллангоррен ему нужен не для спорта и развлечений.

С иными мыслями смотрит туда парижанка. В сердце ее досада, знакомая лишь тем, кто стремится к удовольствиям жизни, но не может их достичь. Как смотрел Сатана на райский сад, из которого был изгнан, так смотрит жена Мердока на газоны Ллангоррена. Ни сады Парижа, ни сам Булонский лес никогда не казались ей такими привлекательными, как эта земля с собравшимися на ней аристократами, – убежище, куда такие, как она, попасть не могут. И вообще мало кто из ее соотечественников попадает.

Долго смотрит она туда с ненавистью во взгляде, с тоской в сердце, испытывая мучительную зависть, потом поворачивается к мужу и говорит:

– Вы мне сказали, что между нами и этим стоит только одна жизнь...

– Две! – послышался голос – но не Мердока.

Оба удивленно повернулись и увидели – *отца Роже* !

Глава двенадцатая Волк в овечьей шкуре

Отец Роже – священник-француз того типа, который хорошо известен по всему миру. Он иезуит. Худой, с тонкими губами, с плотно натянутой, как поверхность барабана, смуглой кожей, он с головы до ног напоминает Лойолу (Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов. – Прим. перев.).

Он никогда не смотрит собеседнику в глаза. Он либо опускает глаза вниз, либо смотрит по сторонам, но не в робком замешательстве, а как уличенный преступник. И если бы не его одеяние, он вполне мог бы сойти за преступника; однако даже эта одежда и всегдашний вид святоши не ослабляют подозрения, что перед вами волк в овечьей шкуре, а скорее усиливают его. И по сути он такой и есть – истинный фарисей, инквизитор до мозга костей, жестокий и подозрительный, как те, что заседали в тайном совете при аутодафе.

Что делает такой человек в Херефордшире? Что делает он в протестантской Англии? Было время – и оно не так далеко в прошлом, – когда подобные вопросы задавались бы с любопытством и изрядным возмущением. Так было во времена, когда наша популярная королева еще больше увеличила свою популярность, картинно провозгласив, что «ни один иностранный священник не должен принимать чин и служить в наших владениях». Им было даже запрещено одеваться в отличительную одежду. Тогда они робко и незаметно, как змеи, скользили по нашим улицам, обычно парами, и выглядели так, будто понимали, что их занятие преступно или по крайней мере незаконно.

Все это теперь в прошлом; запрет снят, обещание не сдержано – по всей видимости вообще забыто! Теперь они смело показываются повсюду, бродят группами, демонстрируя свои выбритые макушки и бледные лица без страха и стыда; напротив, триумфально демонстрируют свое облачение на улицах и в парках, собираются в монастырях, которых у нас становится все больше, угрожают нам проклятиями. Никто не считает теперь необычным или странным, если увидит вдруг священника с выбритой тонзурой или монаха в сандалиях – в любой части Англии. Неудивительно, что они появились и на берегах Уая. Отец Роже, один из таких священников, здесь с той же целью и с такими же мотивами; таких посылают повсюду – поработать души и добывать деньги для своих надобностей, чтобы другие люди, такие же, как он, священники и князья церкви, могли жить роскошно, без труда и забот. Старая история, она повторяется с начала мира и появления в нем человека. Того же добывается колдун, вызывающий дождь, в Южной Африке, и шаман североамериканских индейцев; различаются только некоторые особенности практики; религиозный шарлатан более развитых цивилизаций пользуется не кореньями, змеиной кожей и погремушками, а слабостью женщин. Таким способом, с помощью коварства и подкопов, были взяты многие сильные крепости, после того как отразили прямое нападение.

Pere (Отец, фр. – Прим. перев.) Роже хорошо все это знает, в том числе и по опыту, потому что проявил себя умелым пропагандистом, поселившись в Херефордшире. Он еще и трех лет не прожил на берегу Уая, а вокруг него уже собралась свита из слабоумных Март и Мэри, построила ему небольшую церковь и все лучше и лучше обустроивает его гнездышко. Правда, все его новообращенные принадлежат к беднейшему классу. Тем не менее плата в папскую казну собирается немалая и получается регулярно, с той слепой преданностью и религиозным рвением, на которое способны только новообращенные. Страх перед дьяволом и любовь к нему в равной мере наполняют карман священника церкви у переправы Рага.

Хотя среди его прихожан нет представителей высшего класса и только немногих можно отнести к среднему, отец Роже может утверждать, что двое дворян среди них все же есть –

это Мердоки. Мужчина не очень высоко ценит свое обращение, он вообще равнодушен к религии. Другое дело женщина. Выросшая на знаменитом Монмартре – отец ее был обычным рабочим, мать белошвейкой, сама она отличалась большой красотой. Олимпия Рено скоро нашла путь в более высокие круги. То же честолюбие сделало ее женой Льюина Мердока и привело в Англию. Выходя за него замуж, она знала о землях, о которых они только что говорили и на которые все еще смотрят. Именно это и побудило ее отдать руку; сердце свое она никогда мужу не отдавала.

То, что священник знает многое из этого, по существу все, очевидно из его слов. Неслышными вкрадчивыми шагами – он всегда так ходит – подобрался он к ним незаметно, Только вздрогнув после услышанных слов, они поняли, что он здесь. Увидев, кто подошел, Мердок приветственно встает. Несмотря на долгие годы лишений, в нем временами автоматически проявляется воспитание джентльмена. К тому, родившийся и выросший католиком, он относится к священникам с привычным уважением – даже если знает, что перед ним отъявленный фарисей, какой только надевал когда-нибудь однобортный черный костюм.

После обмена приветствиями, после того, как гостю вынесли стул, Мердок спрашивает, как объяснить слова священника:

– Что вы хотели сказать, отец Роже? Какие две?

– Я сказал вот что, мсье: между вами и тем местом стоят двое, вернее, скоро будут стоять. А со временем не двое, а, может, десять человек. Какой прекрасный пейзаж! – продолжает он, глядя через реку. – Настоящая долина Темпе (Долина в Греции между горами Олимп и Осса. – Прим. перев.) или сад гесперид. Parbleu! (Черт возьми! Фр. – Прим. перев.) Никогда бы не подумал, что ваша Англия так прекрасна! Ах! Что там происходит, в Ллангоррене? – Взгляд его останавливается на павильоне, флагах и нарядных фигурах. – А fete champetre! (Сельский праздник, фр. – Прим. перев.). Мадмуазель развлекается! В ожидании перемен, несомненно.

– Я все равно не понимаю, – удивленно произносит Мердок. – Вы говорите загадками, отец Роже.

– Их легко разгадать, мсье. Эту разгадку вы найдете здесь.

И он показывает на простое золотое кольцо на пальце миссис Мердок, одетое самим Мердоком в день, когда он стал ее мужем.

Теперь он понимает, но его сообразительная жена поняла раньше.

– Ха! – восклицает она, словно ее укололи булавкой. – Мадемуазель выходит замуж?

Священник утвердительно кивает.

– Это для меня новость, – говорит Мердок таким тоном, словно услышал сообщение о собственной смерти.

– Кто, Pere? Неужели все-таки мсье Шенстон?

Вопрос показывает, насколько миссис Мердок знакома с мисс Гвен – если не с нею лично, то с ее делами и окружением.

– Нет, – отвечает священник. – Не он.

– Тогда кто? – одновременно спрашивают супруги.

– Мужчина, который даст Ллангоррену много наследников – и пропасть между вами и наследством еще увеличится. Ах! Ее вообще станет невозможно преодолеть.

– Отец Роже! – восклицает Мердок. – Прошу вас, говорите! Кто это? Как его зовут?

– Капитан Райкрофт.

– Капитан Райкрофт? А кто это?

– Гусарский офицер. Красивый мужчина. Что-то среднее между Марсом и Аполлоном; силен, как Геркулес! Как я сказал, он будет отцом множества сыновей и дочерей, а Гвен Винн – их матерью. Helas! (Увы, фр. – Прим. перев.) Я уже вижу, как они играют там, на газоне!

– Капитан Райкрофт! – задумчиво повторяет Мердок. – Никогда его не видел и не слышал о нем!

– Теперь слышите, а может, и увидите. Несомненно, он среди веселых стрелков из лука... Нет, он ближе! Какое странное совпадение! Старая присказка – «позови черта, а он...» Вон *ваш* черт, мсье Мердок!

И он указывает на лодку на реке с двумя людьми в ней; на одном белый шлем. Лодка движется в направлении Ллангоррен Корта.

– Который? – машинально спрашивает Мердок.

– Тот, с *chapeau blanc* (С белой шляпой, фр. – Прим. перев.). Вот кого вам следует опасаться. Второй – всего лишь лодочник Уингейт, честный парень, которого можно не бояться. Пусть боится наш достойный друг Коракл Дик, его соперник по улыбкам хорошенькой Мэри Морган. Да, друзья мои! При таких обстоятельствах вы, вероятно, видите будущего владельца Ллангоррена.

– Никогда! – восклицает Мердок, гневно стискивая зубы. – Никогда!

Французский священник и бывшая куртизанка незаметно обмениваются многозначительным взглядом: на лицах обоих появляется довольное выражение.

– Вы говорите слишком возбужденно, мсье, – замечает священник. – Но как этому помешать?

– Не знаю, – мрачно отвечает Мердок. – Вероятно, никак, – добавляет он, словно обрекая себя. – Но неважно; давайте оставим эту неприятную тему. Останетесь с нами на обед, отец Роже?

– Если я вам не помешаю.

– Нисколько; скорее вам будет неудобно: вы не сможете наесться. Здешние мясники не очень дружелюбно к нам относятся; и, если не ошибаюсь, сегодня у нас очень примитивное меню: бекон с картошкой и немного зелени из старого сада.

– Мсье Мердок! Не продукты, а способ их приготовления делают еду приятной. По мне корка хлеба приятнее банкета с недружелюбно настроенным хозяином во главе стола. К тому же ваш английский бекон очень вкусен, так же как и сочные овощи. А если этому предшествует уайский лосось, а следует за этим фазан, такой обед удовлетворит самого Лукулла.

– Конечно, – соглашается сломленный джентльмен, – с лососем и фазаном. Но где они? Мой поставщик рыбы, который одновременно поставяет и дичь, относится ко мне не лучше мясника. Вероятно, потому, что я у них в долгу. Однако от знакомства они не отказываются и наносят постоянные визиты. Даже сегодня утром, еще до того как я встал, мне оказали честь своим посещением оба джентльмена. К несчастью, они не принесли ни рыбы, ни мяса; напротив, предъявили голубые листочки в красными буквами и рядами чисел – но я не собирался заниматься их арифметикой за завтраком. Так что, отец, мне жаль, но я не могу предложить вам лосося; а что касается фазана – вы, наверно, не знаете, что сейчас не охотничий сезон.

– На них никогда нет сезона, как и на домашнюю птицу, особенно на молодого самца, не нашедшего себе пару.

– Однако сезон скоро, – говорит англичанин, в котором проснулся инстинкт спортсмена.

– Не для тех, кто знает, как его открывать, – многозначительно отвечает француз. – Предположим, мы откроем его сегодня.

– Не понимаю. Может, ваше преподобие просветит меня?

– Что ж, мсье. Сегодня духов понедельник (Праздник, отмечаемый протестантской церковью; в Англии долгое время был нерабочим днем. – Прим. перев.), и, собираясь к вам в гости, я решил, что вы не обидитесь, если я принесу вам небольшой подарок – для мадам – то, о чем мы с вами говорили: лосось и фазан.

На лице мужа отражается недоверие. Может, священник шутит? Под его сутаной, плотно облегающей фигуру, ничего нет, ничто не указывает на присутствие рыбы или птицы.

– Где они? – машинально спрашивает Мердок. – Вы говорите, что принесли их с собой?

– Ах, это я сказал метафорически. Я имел в виду, что послал их. И если не ошибаюсь, они уже близко. Да, вот и посылный.

Он указывает на человека, который через кусты, густо растущие по берегам ручейка, направляется к дому.

– Коракл Джон! – восклицает Мердок, узнав браконьера.

– Он самый, – соглашается священник и добавляет: – Он хоть и браконьер, а может, и кое-что похуже, но, по-моему, неплохой человек – для некоторых целей. Правда, в моей пастве он не самый набожный и не отличается достойным поведением; тем не менее он очень полезен, особенно по пятницам, когда приходится смириться с рыбьей диетой. Я обнаружил, что он удобен и в других отношениях; вы тоже это поймете, мсье Мердок, – когда-нибудь. Если вам когда-нибудь понадобится сильная жесткая рука и соответствующее ему сердце, Ричард Демпси обладает тем и другим и, несомненно, предоставит их в ваше распоряжение – за определенную плату.

Пока Мердок размышляет, что могли бы означать последние слова, индивидуум, которого так рекомендовали, подходит к дому. Крепкий плотно сбитый мужчина, с длинным черными низко растущими волнистыми волосами, которые почти закрывают глаза, придавая их обладателю зловещую и низменную внешность. Лицо у него не некрасивое, но на нем преступление уже оставило свой след, глубокий и неизгладимый.

Одет он так, как одеваются почти повсеместно лесники и браконьеры – в вельветовую куртку для стрельбы, короткие вельветовые же брюки и гамаша из козьей кожи, застегнутые металлическими пуговицами. В карманах куртки – каждый из них размером с сумку для дичи – видны две выпуклости, примерно одинаковые по размеру. Священник уже сказал, что это такое: в одном кармане трех- или четырехфунтовый лосось, в другом – молодой самец фазан.

Почтительно поклонившись троим из Глингога, он уже готов достать из карманов подношение, но священник останавливает его, воскликнув:

– Arrêtez! (Остановись! Фр. – Прим. перев.) Их нельзя держать на солнце. Стоит одному из лесников Ллангоррена их увидеть, как они тут же протухнут. Эти парни с глазами рыси могут далеко видеть, особенно в такой солнечный день. Поэтому, достойный Коракл, прежде чем разворачивать, лучше унесите их на кухню.

Получив это указание, браконьер направляется к заднему входу в дом; миссис Мердок входит через передний, чтобы давать указания по подготовке обеда. Она не собирается принимать в этом непосредственное участие. Это ниже достоинства красавицы из Мабилля. Как ни беден Глингог, но в нем есть кухарка и служанка ей в помощь.

Двое мужчин остаются снаружи, гость получает от хозяина стакан бренди с водой. И не один: отец Роже, хоть и француз, умеет пить не хуже прирожденного ирландца. В нем нет ничего от члена общества трезвости.

Примерно с час они выпивают и разговаривают, причем Мердок по-прежнему сторонится темы, которая у обоих оставалась в сознании; священник делает еще одну попытку.

– Parbleu! Они там хорошо проводят время! – Он смотрит на газон, по которому перемещаются ярко одетые фигуры. – И больше всех, я вижу, мсье Белая Шляпа – предвкушает удовольствия, которыми ему предстоит насладиться, когда она станет хозяином Ллангоррена.

– Он – никогда! – восклицает Мердок, на этот раз добавляя клятву. – Никогда, пока я жив. А когда умру...

– Обед! – прерывает его женский голос от дома – это голос хозяйки, которая стоит в дверях.

– Мадам приглашает нас, – говорит священник, – мы должны идти, мсье. Обедая косточки фазана, вы сможете закончить свою фразу. Идемте!

Глава тринадцатая Среди стрел

Почти все приглашенные на состязание стрелков из луков прибыли, и стрельба началась; в воздух одновременно устремляется с полдюжины стрел к такому же количеству целей.

Только несколько леди соперничают за первое место, и у каждой за спиной небольшая свита из знакомых и поклонников.

Открывает соревнование сама Гвен Винн. Стреляет она так же хорошо, как гребет – в своем клубе она получила чемпионский значок, и все заранее предполагали, что она станет победительницей.

Однако вскоре поддерживающие ее начинают выглядеть разочарованными. Она стреляет без обычного мастерства и энергии. Напротив, стреляет небрежно и, по всей видимости, думает о чем-то другом; время от времени она смотрит по сторонам, разглядывает группы собравшихся, как будто кого-то ищет. Собралось много народу, почти сто человек, и в толпе вполне можно затеряться. Очевидно, Глен ждет того, кто пока еще не пришел; и чаще обычного ее взгляды устремляются к лодочной пристани, как будто ожидаемый персонаж должен появиться оттуда. В манерах девушки какое-то нервное возбуждение; после каждого такого разглядывания на лице у нее появляется разочарованное выражение.

Оно не остается незамеченным. Джентльмен рядом с девушкой замечает его и начинает подозревать его причину. Это подозрение причиняет ему боль. Этот джентльмен Джордж Шенстон; он помогает Гвен, подает ей стрелы – короче, выполняет обязанности ее оруженосца. Он тоже не очень ловко справляется со своими обязанностями; напротив, выполняет их неуклюже; мысли его тоже заняты, и взгляд бродит. Однако посматривает он в противоположном направлении – на ворота парка, видимые с того места, где установлены цели.

Оба они высматривают одного и того же человека, но с очень разными мыслями – одна радостно ожидает его появления, другой отчаянно надеется, что он не придет. Потому что ожидаемый джентльмен не кто иной, как капитан Райкрофт.

Шенстон знает, что гусарский офицер приглашен, и, не теряя надежды, все же думает, что тот появится. Его самого в таких обстоятельствах не остановило бы никакое препятствие, как не может остановить на охоте его и его собак живая изгородь.

Проходит время, запоздавший гость не появляется, и Шенстон начинает думать, что сегодня мисс Винн будет предоставлена ему. Во всяком случае никаких серьезных соперников он больше не видит. Многие присутствующие ищут ее улыбки, многие не прочь предложить руку, но никого он так не опасается, как отсутствующего.

И вот как раз когда он уже начинает успокаиваться и обретать уверенность, к нему подходит джентльмен, из числа «приличных» и спрашивает:

– А кто этот человек, Шенстон?

– Какой человек?

– В очень странном головном уборе. Индийский, кажется, – тропический шлем, так его называют.

– Где? – спрашивает Шенстон, вздрогнув и оглядываясь.

– Вон там! Идет со стороны реки. Кажется, он только что появился. Наверно, приплыл в лодке. Вы его знаете?

Джордж Шенстон, сильный человек, начинает дрожать. Если бы Гвен Винн в этот момент направила ему в грудь одну из своих стрел, он бы меньше побледнел и испытывал

бы не такую боль в сердце. Потому что человек в «странном головном уборе» – тот, кого он больше всего боится и кого он надеялся сегодня не увидеть.

Он так поражен, что не отвечает на обращенный к нему вопрос; да у него и нет такой возможности, потому что в этот момент Гвен, которая тоже заметила тропический шлем, неожиданно поворачивается и говорит ему:

– Джордж, будьте добры, присмотрите за этими вещами! – Она протягивает ему лук со стрелой, наложенной на тетиву. – Появился новый джентльмен. Вы знаете, он недавно приехал к нам. Тетя ждет, что я его представлю. Я вернусь, как только исполню свой долг.

Передав лук и невыпущенную стрелу, она без дальнейших слов или церемоний уходит.

Джордж Шенстон стоит, глядя ей вслед; в глазах его что угодно, только не приятное выражение. Напротив, оно мрачное, почти гневное; он следит за Гвен и отмечает ее действия: она приветствует чужака тепло и сердечно, и Штенстон считает такой прием неподобающим, кем бы ни был этот незнакомец. Этот так называемый долг, кажется, не тяготит ее; сын баронета так раздражен, что готов сломать лук или порвать тетиву о колено.

Он стоит, сердито глядя им вслед, и тут к нему опять обращается все тот же любопытный джентльмен, который спрашивает:

– В чем дело, Джордж? Вы не ответили на мой вопрос!

– Какой вопрос? Я забыл.

– Еще бы. Это странно. Я только хотел знать, кто такой мистер Белая Шляпа.

– Я бы сам хотел это знать. Могу только сказать, что он из армии, из кавалерии, кажется, и зовут его Райкрофт.

– А, да. Кавалерия. Видно по сгибу ног. Райкрофт, говорите?

– Так он сам говорит. Капитан гусар – его собственный рассказ.

Все это произносится многозначительным тоном и с красноречивым пожатием плечами.

– Но вы не считаете, что он авантюрист?

– Не могу сказать ни да, ни нет.

– Но кто его привел? Кто представил его?

– Не могу вам сказать.

Он может: мисс Винн, верная своему обещанию, познакомила его с обстоятельствами речного приключения, хотя и не с теми, которые к нему привели; а он, верный своему, сохранил это в тайне. Поэтому он и не может рассказать, и его ответ оправдан.

– Клянусь Юпитером! Кто бы его ни представил, он не теряет времени зря. Мисс Гвин кажется хорошо с ним знакомой; а вон он обменивается рукопожатием с маленькой мисс Лиз, как будто они знакомы с колыбели. Смотрите! Они ведут его к старой деве, которая сидит в кресле, как королева во времена турниров. Все это очень похоже на средневековье – очень!

– На самом деле, очень современно; по моему мнению, до отвращения.

– Почему вы так говорите, Джордж?

– Почему! Потому что в старинные или средневековые времена такое было немыслимо – здесь, в Херефордшире.

– Что было немыслимо?

– Чтобы человека без представления и без подтверждения сведений о нем допускали в хорошее общество. Только в наши дни это возможно: утверждать, что знаком с леди, и навязывать ей свое общество только потому, что поднял ее носовой платок или предложил зонтик в дождь!

– Но ведь этот джентльмен не так познакомился с прекрасной Гвендолин?

– О! Я этого не говорил, – отвечает Шенстон с принужденной улыбкой – постепенно улыбка становится более естественной, так как он видит, что мисс Гвин отделилась от группы, на которую он смотрит, и направляется к нему за луком. Почувствовав некоторое удо-

влетворение, Шенстон начинает испытывать легкие опасения по поводу неловкости своего любопытного приятеля и, чтобы избавиться от него, добавляет:

– Если хотите узнать, как мисс Гвин с ним познакомилась, почему бы вам не спросить у нее?

Ни за что на свете этот джентльмен не стал бы задавать подобный вопрос Гвен Винн. Это небезопасно; поэтому он отходит, прежде чем она оказывается здесь.

Райкрофт, оставшийся вблизи мисс Линтон, продолжает разговаривать с ней. Это не первая их встреча: он уже несколько раз побывал в Ллангоррене; девушки представили его как джентльмена, который помог им выбраться из опасного водоворота на реке, с которым не мог справиться старый Джозеф. Возможно, он даже спас им жизнь! В такой версии было рассказано тетушке о приключении; ее вполне достаточно, чтобы быть представленным в Ллангоррен Корте.

И старая дева из Челтхема очарована им. В красивом гусарском офицере она видит типичного героя романов, которые читает; он настолько похож на героя, что лорд Льюстринг давно забыт, ушел из памяти, как легкий звук. Из всех, кто подходит к ней, никто не приятен ей больше этого незнакомого военного.

Взяв в руки лук, Гвен стреляет не лучше, чем раньше. Ее мысли и взгляд никак не могут сосредоточиться на разноцветных кругах мишени, они постоянно отвлекаются и устремляются туда, где капитан по-прежнему тет-а-тет беседует с тетушкой. Стрелы Гвен летят по сторонам, не задевая мишень. Среди всех соперниц она занимает последнее место – так плохо она никогда еще не стреляла. Но какая разница? Она лишь радуется, когда пустеет ее колчан; теперь у нее есть предлог для возвращения к мисс Линтон по какому-то вопросу, связанному с приемом в доме.

Видя все это и многое другое, Джордж Шенстон испытывает раздражение, такое сильное, что с трудом сдерживается от проявления дурных манер. Если еще останется здесь, может не выдержать. И поэтому он не остается. Не доверяя своей сдержанности, чувствуя, что может поставить себя в дурацкое положение, он выдумывает предлог и покидает Ллангоррен Корт задолго до окончания развлечений. Не грубо и не демонстрируя свое раздражение. Он джентльмен, даже в гневе; вежливо попрощавшись с мисс Линтон и так же вежливо, но чуть холоднее – с мисс Винн, он уходит на конюшню, приказывает вывести свою лошадь, садится в седло и уезжает.

Много раз въезжал он в ворота Ллангоррена с легким и счастливым сердцем – но на этот раз уезжает с тяжелым и несчастным.

Если собравшимся его не хватает, то этого нельзя сказать о мисс Винн. Напротив, она рада, что он уехал. Несмотря на то, что сердце ее занято любовью к другому, почти переполнено ею, в нем сохраняется место для жалости. Она понимает, как страдает Шенстон – как она может не знать это? – и жалеет его.

Особенно сейчас, после этого холодного прощания; он пытался скрыть свои мысли и страдание, но только раскрыл их. Как мужчины недооценивают женскую проницательность! У женщин на такие дела настоящая интуиция.

И она особенно остра у Гвен Винн. Девушка знает, почему Шенстон ушел так рано, – знает, словно он сам ей сказал. И сдерживает сочувственный вздох: как печально он уезжал, как безрассудно поскакал галопом, как только выехал за ворота. Но как только он скрывается из виду, легкая печаль на лице Гвен сменяется облегчением.

Мгновение спустя она радостна и весела, как всегда; снова берет в руки лук и со звоном спускает тетиву. Теперь она стреляет превосходно, каждый раз попадает в цель, и часто в самый центр мишени. Потому что тот, кто теперь ей помогает, не только внушает уверенность, но и возбуждает стремление продемонстрировать все свое мастерство. Капитан Рай-

крофт занял место Шенстона, став оруженосцем Гвен; и, когда он протягивает ей стрелы, а она их выпускает, между ними происходит и иной обмен – обмен стрелами Купидона. И в глазах обоих полные колчаны этих стрел.

Глава четырнадцатая

Хождение вокруг да около

Естественно, капитан Райкрофт становится объектом разговоров гостей Ллангоррена. Человек его внешности и манер везде оказался бы в центре внимания, даже если он незнакомец. Старая история о неизвестном рыцаре, который неожиданно появляется на поле турнира с закрытым забралом, и распознают его только по локону или другому подарку леди, чью честь он приехал защищать.

У капитана тоже есть отличительный знак – его белая шляпа. На голове капитана Райкрофта белый головной убор с прошитым верхом. Он привык к нему в Индии, откуда только недавно вернулся, и продолжает носить в Англии, не думая о том, чтобы привлечь внимание, и вообще об этом не заботясь.

Однако он привлекает внимание. Мы, изолированно живущие на острове, чрезвычайно консервативны – некоторые могут назвать это «вульгарным» – и всегда ревниво смотрим на новшества; свидетельством тому так называемое «движение усов» не так много лет назад и вызванные им яростные споры.

И по другим причинам гусарский офицер остается в центре внимания. Его окутывает аромат романтики; то, как он был представлен леди из Ллангоррена; вопросы, которые задавал не только любопытный приятель Джорджа Шенстона. Истинная история с пьяными углекопами не распространилась – сами они тоже молчали, опасаясь последствий; Джек Уингейт, вообще неразговорчивый человек, в этом случае молчал и потому, что его об этом попросили; а почему молчал Джозеф, читателю тоже понятно.

Тем не менее по окрестностям ходили неясные рассказы о лодке на реке, в которой были две леди, о том, что лодка едва не перевернулась – в некоторых версиях на самом деле перевернулась, – и леди были спасены незнакомцем, который случайно поблизости ловил лосося, и звали этого незнакомца Райкрофт. Поскольку та же история циркулирует среди лучниц в Ллангоррене, неудивительно, что все интересуются ее присутствующим здесь же героем.

Однако в таком большом собрании народа, где многие даже не знакомы друг с другом, ни один человек не может долго быть единственным объектом внимания; и если капитан Райкрофт продолжает интересовать собравшихся, то не из-за любопытства, откуда он явился, не из-за своего необычного головного убора, а благодаря красивому смуглому лицу под ним. И не одна пара глаз разглядывает его с восхищением.

Но никто не смотрит на него с таким теплом, как Гвен Винн; хотя и она не делает это открыто и подчеркнуто. Потому что понимает, что за ней наблюдают другие глаза и ей нужно соблюдать приличия.

В этом она преуспевает – настолько хорошо, что никто из наблюдателей не мог бы сказать, что в ее обращении с капитаном Райкрофтом есть что-то помимо гостеприимства хозяйки – в определенном смысле она и есть хозяйка – по отношению к гостю, который еще не освоился с обществом. Даже когда в перерыве соревнований эти двое гуляют вместе и после недолгой прогулки по газону заходят в летний домик, это не вызывает неодобрительных замечаний. Другие поступают так же, прогуливаются парами, задерживаются в тенистых местах или сидят на старинных скамьях. Хорошее общество предоставляет свободу – до определенных пределов. Только испорченные люди могут над этим смеяться, и печален будет день, когда такая уверенность друг в друге исчезнет.

Молодые люди стоят рядом в маленьком павильоне, в тени раскрашенной крыши. Возможно, они пришли сюда не случайно, да и само соревнование лучниц не было случайным.

Но это может сказать только Гвендолин Винн, которая и предложила его устроить. Стоя в летнем домике и глядя на реку, они какое-то время молчат, и каждый слышит биение сердца другого, оба сердца переполнены любовью.

В такие моменты не может быть сдержанности или скрытности, а только признание, полное, откровенное и взаимное. И оно действительно близко. Если *le joie fait peur* (Радость побеждает страх. Фр. – Прим. перев.), то тем более *l'amour* (Любовь. Фр. – Прим. перев.).

Тем не менее между ними еще держится страх. С ее стороны, это опасение, что она слишком торопится, слишком горячо выражает благодарность за оказанную услугу и теперь должна быть более сдержанной. С его стороны сдержанность объясняется похожими причинами, хотя не только. В тех немногих случаях когда он посещал Ллангоррен Корт, его принимали тепло и радушно. Тем не менее в рамках воспитанности и приличий. Но почему он всякий раз застаёт здесь джентльмена – всегда одного и того же – по имени Джордж Шенстон? Этот джентльмен приезжает раньше капитана и остается после его отъезда. А сегодня мастер Шенстон почему-то неожиданно и резко уезжает. Почему? И почему у него был такой расстроенный вид, почему сын баронета галопом поскакал из ворот? Видя все это и слыша, капитан Райкрофт неверно истолковывает то и другое. Неудивительно, что он сдерживает слова любви.

И вот они молчат, опасаясь непонимания и его последствий. От одного предложения теперь зависит счастье или несчастье всей их жизни.

Неудивительно, что при таком страхе разговор неизбежно становится робким и банальным. Те, кто говорит о красноречии любви, но думает при этом о ее самых легких фазах, скорее всего лгут. Тот, кто испытывает подлинно глубокие чувства, теряет дар речи, как верующий в присутствии божества. Вот стоят рядом два высокоорганизованных существа, красивый и храбрый мужчина, прекрасная и совсем не робкая женщина, оба богато одаренные, оба полные жизни, любящие друг друга до глубины души, и однако они сдержаны и говорят с трудом, как пара деревенских невеж! Даже больше, потому что Коридон просто обнял бы Филлис (Коридон и Филлис – имена пастухов и пастушек в древнегреческой пасторальной поэзии. – Прим. перев.), вlepил бы ей красноречивый поцелуй, а она ответила бы тем же.

Но двое в павильоне ведут себя совсем по-другому. Некоторое время они стоят молча, как статуи – хотя и едва ощутимо дрожат, словно любовное электричество, разлившееся вокруг, затрудняет им дыхание и мешает говорить. А когда речь возвращается, она не более значительна, чем у двух человек, только что представленных друг другу и испытывающих обычный взаимный интерес!

Первой начинает леди.

– Вы как будто недавно в нашей местности, капитан Райкрофт?

– Нет еще трех месяцев, мисс Винн. Я приехал только за неделю или две до того, как я имел удовольствие познакомиться с вами.

– Благодарю вас за то, что называете это удовольствием. Обстоятельства были не очень приятными; напротив, я бы сказала, – смеется она и добавляет: – И как вам нравится наш Уай?

– Кому он может не понравиться?

– Об этих ландшафтах много было сказано – в газетах и книгах. Вам они правда нравятся?

– Очень. – Его восхищение вполне простительно в подобных обстоятельствах. – Мне кажется, это самое красивое место в мире.

– Что! Вы ведь такой известный путешественник! Вы бывали в тропиках, на реках, которые бегут в вечнозеленых тропических лесах среди золотых песков! Вы говорите серьезно, капитан Райкрофт?

– Конечно. А почему бы и нет, мисс Винн?

– Мне казалось, что великие реки, о которых мы читаем, намного превосходят наш маленький херефордширский ручей: в объеме воды, в картинах природы – во всем...

– Нет, не во всем, – прерывает он ее. – В объеме воды – возможно; но не в остальных отношениях. В некоторых отношения Уай превосходит и Рейн, и Рону. Даже саму Гипокрену! (Ручей на горе Геликон в Греции, на котором жили музы и который считался источником поэтического вдохновения. – Прим. перев.)

Наконец у него развязывается язык.

– В каких отношениях? – спрашивает она.

– В том, что в нем отражается, – нерешительно отвечает он.

– Но вы ведь не растительность имеете в виду? Наши дубы, вязы и тополя не могут сравниться с высокими пальмами и грациозными древовидными папоротниками тропиков.

– Нет, не ее.

– Наши сооружения тоже, если правдивы фотографии. Удивительные строения – башни, храмы, пагоды, изображения которых мы видим на снимках, намного превосходят то, что есть у нас на Уае – или вообще в Англии. Даже наше Тинтернское аббатство, которое мы считаем грандиозным, ничто по сравнению с ними. Разве это не так?

– Верно, – соглашается он. – Нужно признать превосходство восточной архитектуры.

– Но вы сами сказали, что у вас вызывает восхищение то, что отражается в английских реках!

У него есть отличная возможность для поэтичного ответа. В его сознании ее образ, а на языке слова «женщины Англии». Но он не произносит их. Напротив, отступает и отвечает уклончиво:

– Правда в том, мисс Винн, что тропические виды мне надоели и я рад увидеть холмы и долины дорогой старой Англии. Я не знаю, где они могут быть лучше, чем на Уае.

– Приятно слышат такие слова – особенно мне. Вполне естественно, что я люблю наш прекрасный Уай – я родилась на его берегах, выросла на них и, вероятно...

– Что? – спрашивает он, видя, что она замолчала.

– Буду на них похоронена! – отвечает она со смехом. Собиралась она сказать: «проведу на них всю остальную жизнь». – Вы, наверно, думаете, что это слишком серьезное заключение, – добавляет она, продолжая смеяться.

– Ну, до этого еще очень далеко – можно надеяться. Это произойдет после долгих и счастливых дней – на Уае или в другом месте.

– Ах! Кто может сказать? Будущее для нас – закрытая книга.

– Ваше будущее не должно быть таким – по крайней мере в отношении счастья. Я думаю, оно обеспечено.

– Почему вы так говорите, капитан Райкрофт?

– Потому что вы сами кажетесь мне воплощением счастья.

Он говорит не больше, чем думает; на самом деле гораздо меньше. Потому что он верит: от нее зависит его судьба, она держит ее в руках. Он уже готов признаться в этом, он на самом пороге признания, но его останавливает странное поведение Шенстона. Все его сладкие мечты, которым он предается с момента их знакомства, возможно, всего лишь иллюзия. Она, может быть, играет с ним, и он всего лишь рыба на ее крючке. И ни слова о любви не срывается с его уст. Есть ли любовь в ее сердце – любовь к нему?

– Каким образом? Что это значит? – спрашивает она, вопросительно глядя на него своими сверкающими глазами.

Вопрос заставляет его колебаться. Он не отвечает так, как мог бы, и говорит опять уклончиво, смущенно:

– О! Я только хотел сказать... вы так молоды, мисс Винн ... так... Ну, перед вами весь мир... Разумеется, ваше счастье в ваших собственных руках.

Если бы он знал, насколько ее счастье в его руках, он говорил бы смелее и яснее. Но он этого не знает, а она не говорит ему. Она тоже сдержана и не пытается воспользоваться его словами, полными намеков.

Понадобится еще одно свидание – а может, и не одно, – прежде чем они смогут поговорить откровенно. Характеры такие, как у них, не торопятся делать признания, какие характерны для простых людей. Их отношения похожи на ухаживание орлов.

Гвен просто говорит:

– Я бы этого хотела. – И добавляет со вздохом: – Но боюсь, до этого далеко.

Райкрофт чувствует, что перед ним дилемма, вызванная его собственной неуклюжестью, и возможность избежать ее предоставляет то, что он видит на противоположном берегу реки, – дом. Странное жилище времен Тюдоров. Указывая на него, он говорит:

– Очень странное здание! Мне правду сказали, что оно принадлежит вашему родственнику, мисс Винн?

– Там живет мой кузен.

Темное облачко, упавшее на ее лицо при этом точном ответе, подсказывает ему, что он опять ступил на опасную почву. Он приписывает это характеру мистера Мердока. Кузина мистера Мердока явно не хочет о нем говорить.

Так оно и есть; тень на лице девушки сохраняется. Если бы она знала, что сейчас происходит в Глингоге, о чем говорят за его обеденным столом, эта тень стала бы еще глубже. И на сердце у нее тяжело – может быть, от предчувствия.

Райкрофт, смущенный и обескураженный, испытывает даже облегчение, когда Элен Лиз со своим кавалером преподобным мистером Масгрейвом – они тоже прогуливались вдвоем – приближается настолько, что ее можно окликнуть и пригласить в павильон.

Так заканчивается диалог возлюбленных – неудовлетворительно для обоих. На сегодня их любовь должна оставаться нераскрытой; хотя и мужчина и женщина очень хотят узнать тайну сердца другого.

Глава пятнадцатая Духовный советник

Пока в Ллангоррен Корте продолжаются развлечения, в Глингог Хаузе заканчивается обед. На смену добытому вне сезона лососю приходит фазан.

Еще рано, но у Мердоков, у которых не всегда бывает то, что американцы называют «плотным обедом», нет установленных часов для еды, а священник готов есть когда угодно.

Лица троих сидящих за обеденным столом были бы интересны для физиономиста; тот приметил бы выражение, которое поставило бы в тупик самого Лаватера (Йохан Лаватер – швейцарский поэт, теолог и физиономист 18 века. – Прим. перев.). И беседа вначале не помогла бы разгадать это выражение, потому что она касается самых банальных тем. Но время от времени Роже отпускает двусмысленное словечко и незаметно, но многозначительно переглядывается со своей соотечественницей. Это свидетельствует, что мысли этих двоих далеки от их слов.

Мердок, обычно доверчивый, но временами отчаянно ревнующий, в этом отношении тем не менее не подозревает священника, вероятно, от презрения к этому бледному существу и уверенности, что в любое мгновение может его раздавить. Хотя он и низко пал, но крепкий и когда-то сильный англичанин может это сделать. Вообразить, что такой человек, как Роже, может быть его соперником по отношению к его собственной жене, для Мердока слишком унижительно. К тому же он все еще сохраняет веру в то, что духовный отец должен быть безупречен, – не всегда достаточно обоснованная вера, а в данном случае вообще безосновательная. Однако он ничего этого не знает, и поэтому многозначительные взгляды, которыми обмениваются его собеседники, ускользают от его внимания. Но даже если бы он их заметил, не прочел бы в них ничего похожего на любовь. Потому что в этот день любви нет: мысли собравшихся за столом поглощены другой страстью – алчностью. Сидящие за столом обдумывают грандиозный план – не больше не меньше как обладание поместьем, приносящим в год десять тысяч фунтов дохода. Это поместье – Ллангоррен. Они знают цену поместья, как знает его управляющий, ведущий счета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.